

Мероприятия

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

газета
«Ленинские
искорки» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В. И. Ленина

НОЯБРЬ

1969

год издания XIII

Победными зóрями светел,
ненастья сметая с пути,
Летит революции ветер,
над всею планетой летит.

Гудит над крутыми горами,
гремит штормовою волной:
«Борцы за свободу, я с вами!
Смелее в решительный бой!

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА

М. А. БОГОВ

Мы встретимся все на рассвете
и зорям поможем взойти!»
Летит революции ветер,
над всею планетой летит.

Октябрьскою ночью седою
ушёл этот ветер в полёт,
Когда пронеслось над Невою:
— В атаку! На приступ!
Вперёд!

Над Питером пушки «Авроры»
салютом гремели ему!
И ветер рванулся в просторы,
в атаку на чёрную тьму.

Летел молодой, непреклонный,
сражаться учился — в бою.
С Котовским и с Первою Конной
был первым в солдатском
строю.

Летел над донскими степями,
ходил над Амуром в штыки,
Распахивал алое знамя,
на штурм поднимая полки.

Гремел в барабаны: «По коням!
Эй, кто там не слышит!
Подъём!
Мы на небе тучи разгоним
и вражью силу сметём!»
Далёко бывшие походы,
но ветер — тот ветер! —
в пути.

Сквозь горы, и грозы, и годы
он так же над миром летит.

Всё так же отважен упрямо,
и правдой великой силен —
Над гордой землею Вьетнама,
над Чёрною Африкой он.

Гремит революции ветер:
«Борцы за свободу, вперёд!
Сметём мы и цепи, и плети!
Смелее! Победа придёт!

Мы встретимся все на рассвете
и зорям поможем взойти!»
Летит революции ветер.
Над всею планетой летит.

В. НИКОЛАЕВ

Рис. Ю. Шабанова

— А Ты, дружок, что так бледен? Хворал? — спросил Владимир Ильич ху-
денского деревенского мальчика.

— Это он от голода насквозь светится, — ответил Сосипатыч, местный охотник. — Четырнадцать детей было у латыша Кудума, и все померли от ка-
торжной жизни. Один Миня остался, да и тот, как видите, на ладан дышит...

Это было в Шушенском, глухом сибирском селе, куда царское правитель-
ство сослало Владимира Ильича, после того как он без суда и следствия боль-
ше года отсидел в одиночной камере петербургской тюрьмы.

Владимир Ильич был первым человеком, кто поделился с обездоленным
мальчиком и куском хлеба, и теплом души. В семье Владимира Ильича Миню
кормили, учили, одевали и всячески баловали. Миня так полюбил Владимира
Ильича, так привязался к его семье, что и дня без них прожить не мог.

Ленин не пал духом, как надеялись царь и судьи, осудившие его на три
года. Он и здесь, в ссылке, боролся с самодержавием: писал книги и статьи,
руководил ссыльными товарищами, помогал крестьянам в их тяжбах с бога-
чами и местными властями.

Обо всём этом правдиво и увлекательно рассказывает украинский писа-
тель Владимир Васильевич Канивец в повести «Мальчик и жар-птица». От-
дельной книжкой эта повесть выйдет в издательстве «Детская литература»
к столетию со дня рождения Владимира Ильича.

В. КАНИВЕЦ

Рисунки В. Орлова

Будем, Минька, соседями

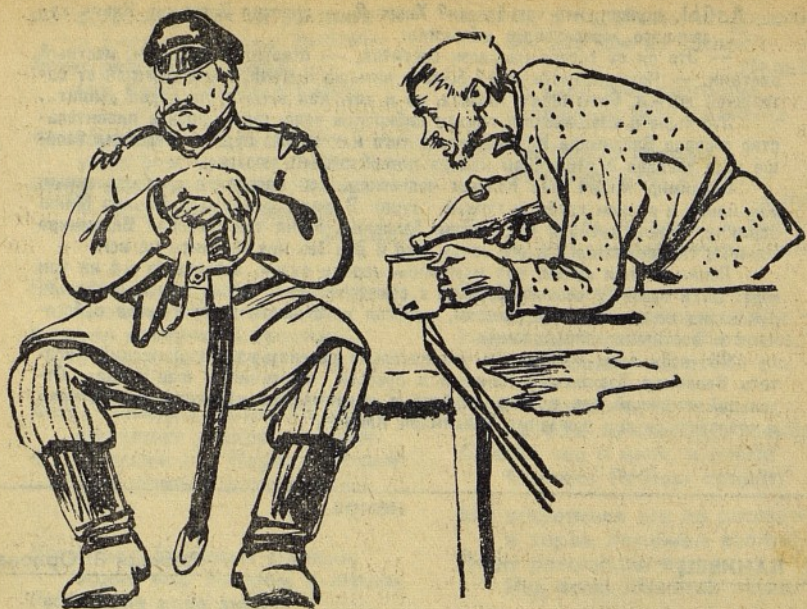
ЧЕРНЫЕ ДНИ

Одно окно избы, в которой
жил Миня, выходило на ули-
цу. И он, боясь встречи с пья-
ным отцом, прежде чем войти,
заглядывал в окно. Если све-
та в комнате не было, он стоял
несколько минут у окна, при-
слушивался и, только убедив-
шись, что никакая опасность
ему не грозит, входил в избу.
Так он поступил и в этот ве-
чер. Но то, что Миня увидел,
было настолько страшным, что
он так и замер у окна. Возле
стола, опершись на свою кри-
вую саблю, сидел Заусайлов.
Отец дрожащей рукой нали-
вал ему в кружку водку и го-
ворил каким-то плачущим го-

лосом, будто его только что
сильно побили:

— Ваше благородие! Вы уж
простите нас, он же ещё ма-
лый, глупый. Мы проглядели,
а они, политики, и сбили пар-
ня с пути. Ведь им всё нипо-
чем. Они и против самого ца-
ря, как вы говорили, идут,
где ж им наши кровные власти
уважать и почитать. Выпейте
ещё хоть глоток, ваше благо-
родие. И не вздыхайте, что ни-
какой такой особой закуски
нет, снизойдите к нашей бед-
ности.

— Я-то выпью, — сурово
басил Заусайлов, берясь за
кружку. — Но ты смотри-мне!
За связь с политиками я тебя
так припеку, что и внукам и

правнукам закажешь! Тут у меня разговор короткий. Я, брат, на царской службе. Все эти преступники под мою власть поставлены и моя воля карать их либо миловать. Да у меня — ша: у меня они тише воды, ниже травы. Я до фельдфебеля дошёл на царской службе; меня не обманешь. Я насквозь вижу, чем ты дышишь. Я за престол жизни своей не пожалею, а ты что? Ты даже не русский. Ты христа-ради тут живёшь. Я тебя завтра упеку туда, куда Макар телят не гонял!..

— Ваше благородие, сми-луйтесь над нами! — просит мать, перепуганно всхлипы-вая. — Простите на этот раз. Ведь мальчишка мал, глуп. Да мы ему теперь даже ходить

мимо тех политиков не позво-лим, а не то что в избе бы-вать.

Пил Заусайлов, пугал всеми напуганнейшими карами, пока язык не стал заплетаться. Тогда отец и мать Мини взяли его под руки и осторожно повели из избы. На улице Заусайлов ожил, затянул песню, но разобрать, что он пел, было невозможно. Мать проводила урядника до ворот и верну-лась, а отец поволок его даль-ше. Так он будет тащить уряд-ника до самой избы. Значит, вернётся не скоро. Миня стрем-глав бросился в избу, чтоб за-лезть на печь раньше, чем войдёт мать. Ведь у неё тоже можно доброго шлепка схва-тить...

— А, явился... — войдя в

избу, сказала мать. — Ну-ка, слезай сюда!

— Зачем? — спросил Миня, будто не знал, почему мать так строго зовёт его. — Мне спать хочется.

— Ак шакмас!¹ Он спать хочет! А что ты, дурная твоя голова, натворил, знаешь?

Миня молчал.

— Ну, погоди, вот отец вернётся. Ту виням добуси!²

Настали для Мини чёрные дни: его не выпускали даже со двора. Это было самое жестокое наказание. Мало того, что он всю весну под забором просидел, так ещё и теперь никуда не пускают. А ему так хотелось хоть одним глазком поглядеть на тётю Надю и дядю Володю, на бабушку Елизавету... Что они там делают?

БУДЕМ, МИНЬКА, СОСЕДАМИ

Сколько раз пробовал убежать со двора да проведать тётю Надю и дядю Володю, но мать зорко следила за ним. Пытался добром отпроситься — слушать не хотела. И Миня понял, что тень грозного Заусайлова, которому сам царь приказал стеречь политиков, будет неотступно ползти за ним. Он начал обдумывать планы, как обмануть и отца, и мать, и Заусайлова, но ничего не мог придумать. В отчаянии Миня прятался в какой-нибудь уголок, чтобы никто не видел его, и горько плакал. Мать, глядя как он

мучился, только тяжело вздыхала:

— Манас мазайс, Микелиньш¹, ну чем они, те политики, приворожили тебя? Чего ты сохнешь по ним?

— Я люблю их! — сердито отвечал Миня. — И я пойду к ним! И не побоюсь ни тебя, ни отца, ни этого вредного Заусайлова!

— Ак ман деви!² — всплескивала мать руками. — Как ты можешь такое говорить? Ты же знаешь, что Заусайлов грозил прогнать нас отсюда! А куда мы пойдём? Куда денемся?..

Мать начинала плакать, Мине становилось жаль её, и он некоторое время сидел спокойно. Эти слёзы матери — самое горькое. Они только и держали Миню во дворе: ни отца, ни Заусайлова он не боялся. Правда, бьёт отец ремнём очень больно, да можно перетерпеть. А причинять боль матери он не мог, её боль переживал острее, чем даже собственную. Весь день он сновал от одной калитки к другой (изба хозяйская стояла на одной улице, а флигель, в котором жил Миня, — на другой), надеясь, что тётя Надя или дядя Володя хоть пройдут мимо. Но всё напрасно. Изба Зыряновых, где они жили, на другой улице, и ходить им сюда было незачем. И он уже думал, что никогда не увидит их, как вдруг счастье вспомнило о нём...

¹ О, ужас! (Латышск.)

² Он тебе всплёт!

¹ Мой маленький.

² Ах, боже мой!

Встал он в то утро чуть свет. Поел картошки и, не зная, чем бы заняться, слонялся из одного угла двора в другой. Помог хозяйской дочке подмести возле крыльца, у ворот. А когда Аня начала мыть второе крыльцо, то, что с двумя красивыми колоннами, Миня удивлённо спросил:

— Зачем ты его моешь? Разве вы сюда жить перейдёте?

— Нет. Квартиранты придут смотреть эту половину, — ответила Аня. — Вот мать и велела вымыть.

— Кто ж тут будет жить?

— Да тот политик, что недавно венчался. У Зыряновых

им почему-то не живётся, говорят — много шуму, так они к нам просятся.

— Так это ж дядя Володя и тётя Надя, с бабушкой Елизаветой! — радостно воскликнул Миня. — Вот хорошо-о-о!

От радости Миня заскакал на одной ноге. Бросился домой, чтобы рассказать матери, но вспомнил, что она не позволяла ему ходить к политикам, и остановился, не зная, с кем поделиться новостью. Вскоре

он увидел, что во двор вошли тётя Надя, бабушка Елизавета, а с ними и дядя Володя. Миня побежал к ним. Он так разволновался, что забыл сказать «здравствуйте», а только обнял колени тётки Нади и замер, едва удерживаясь, чтоб не расплакаться. Тётя Надя наклонилась к нему, тихо спросила:

— Ну что ты, Миня?

— Не пускали меня к вам... — не сдержав слёз, пожаловался он.

— Кто?

— Заусайлов...

— Заусайлов? — удивилась тётя Надя. — Вот так так!.. Слышишь, Володя?

— Слышу, — ответил дядя Володя, сердито хмурясь. — И не очень удивлён: это просто новая подлость нашего стражника. Ну, не печалься, Миня, не так страшен Заусайлов, как тебе кажется...

Подошла хозяйка, Прасковья Олимпиевна. Все поздоровались с ней, и она повела показывать комнаты. Миня тоже поплёлся следом.

— Это кухня? — спрашивал дядя Володя. — Ну что ж, прекрасно! Не знаю только, как мои хозяйки — справятся ли с русской печью?

— Научимся, — ответила тётя Надя. — Разве не так, мама?

— Что ж делать, — вздохнула бабушка Елизавета. — Придётся.

— О, эта комната просто роскошна! — пройдя дальше, сказал дядя Володя. — И знаешь, Надя, она мне очень на-

поминает гостиную в нашем симбирском доме. Просторная, светлая... Нет, нет, чудесно! Правда, Елизавета Васильевна?

— Комната очень хороша, — ответила бабушка Елизавета, — да будет ли только в ней тепло зимой?

— А это уж зависит от того, как топить будете, — отвечала хозяйка. — Изба наша очень тёплая. Когда жив был мой покойный муж, то мы все комнаты занимали сами. Ну а теперь остались с Аней вдвоём, так уж не под силу всю избу отапливать. Да и нужды в этом нет.

Тётя Надя и бабушка Елизавета сказали, что им тоже квартира нравится. Миня уже думал, что всё решено. Да вдруг выяснилось, что у хозяйки нет кроватей. У Мини сердце оборвалось: ну, всё пропало! Не переедут сюда. Но он зря испугался: дядя Володя сказал, что найдёт где-то кровати. И если хозяйка оставит остальную мебель, то они переедут немедленно.

ПЕРЕЕЗД

Миня был уверен, что они переедут в тот же день, и не отходил от ворот. Но они не переехали ни в этот день, ни в следующий. Малыш места себе не находил. Неужели передумали? Нет, не может этого быть! Так что ж держит их там? Или Заусайлов не позволяет сюда, где Миня живёт, переезжать? Да нет, дядя Володя совсем не боится Заусай-

лова. Миня не раз видел, как дядя Володя разговаривал с Заусайловым. Совсем не так, как отец или мать. Да и Заусайлов не пугал дядю Володю всякими карами, не приказывал, а просил: не ходите далеко, не ездите никуда без разрешения. Дядя Володя, хмурясь, перебивал:

— Мне нужно расписаться в книге?

— Будьте любезны, — торопливо раскрывал книгу Заусайлов. — Вот в этой графе... Спасибо.

— Что вам ещё? — сухо спрашивал дядя Володя.

— Всё. Пока что — всё... — пряча книгу под мышку, почти-тельно говорил Заусайлов.

— Рад буду видеть вас завтра... — не скрывая иронической улыбки, говорил дядя Володя.

— Обязательно зайду... обязательно... — придерживая свою кривую саблю рукой, пятаился Заусайлов к выходу.

— Я не сомневаюсь!

Сказав это, дядя Володя брался за свою работу, не обращая внимания на Заусайлова, будто его и в доме не было. Заусайлова это заметно раздражало; он недовольно шевелил острыми, лихо закрученными фельдфебельскими усами, косился на Миню, будто тот был в чём-то виноват, сердито покашливал в кулак. А выйдя во двор, принимал важный вид, выгибал грудь и, поправив ремень сабли, не просто шёл, а шествовал, чтоб показать всем, как строго он

обходится с политиками. Дядя Володя, глядя, как Заусайлов преобразается на улице, весело смеялся. Миня тоже смеялся, и смех этот убивал в его душе страх перед Заусайловым.

Наконец Сосипатыч привёз две железные кровати, пришёл дядя Володя, и они внесли их в избу. Поставили в крайней комнате и поехали за другими вещами. А когда Сосипатыч приехал ещё раз, то на возу было полно корзин, узлов, книг. Дяде Володе пришли помогать ещё два политика — Оскар и Проминский. Миня тоже носил книги, от гордости не чуя ног под собой. Пустые комнаты сразу ожили, наполнившись гомоном и смехом, потому что там, где был дядя Володя, всегда было весело. Поставили всё на свои места и снова поехали за вещами. А Миню оставили за сторожа.

В этот день устраивались. Миня и книги носил, и матрац помогал набивать сеном. А когда матрацы уже были набиты, Миня на них боролся с дядей Володей. Дженни скакала вокруг них и лаяла. Тётя Надя пришла взглянуть, что там случилось. Посмотрела, улыбкунула, сказала с ласковым укором:

— Ты, Володя, как маленький...

— Вот тебе и н!.. — с комическим отчаянием махнул рукой дядя Володя. — Ведь мы же делом занимаемся.

— Каким делом?

— А вот каким! Мы матра-

цы утрамбовываем. Правда, Миня?

— Ага... — подтвердил Миня, хотя сам только что узнал, что он не просто борется с дядей Володи, а и матрацы утрамбовывает.

Только тогда, когда на улице стемнело, все вещи были поставлены на свои места. Книги стояли на двух полках. Одну полку дядя Володя повесил над конторкой, а вторую — возле окна. Кровать поставил к той стене, за которой была комната хозяйки. Кровать тёти Нади — возле печки, чтоб ей зимой было тепло, а кровать дяди Володи вдоль стены. Забитые двери, что вели на хозяйскую половину, завесили материей, стол застелили белой скатертью. Миня смотрел и не мог наглядеться. В его избе были только грязные тряпки. Куда ни глянь — всюду валяются клоучья шерсти. И когда мать подметает, шерсть летает по комнате, как паутина осенью. От жжёной и пареной шерсти воздух всегда смраден. А когда отец зимой начинает, поливая кипятком, обрабатывать валенки на колодках, то под потолком клубится пар, как в бане. В такие дни Миня не знает куда и податься.

— Ну как, Миня? — спросил дядя Володя. — Нравится тебе наша квартира?

— Очень. А долго вы тут жить будете?

— Да ещё года полтора, если никакой беды не случится.

Много ли это «полтора го-

да» или мало, Миня не знал. Но по тому, как дядя Володя, тётя Надя и бабушка Елизавета устраивались, ему казалось, что они собираются тут век жить. И это радовало его.

Хозяйка принесла самовар. Миня хотел идти домой, но его тоже посадили за стол. Миня сиял, — теперь уже мама не скажет: «Не ходи к политикам». Сама вот сидит у них за столом и, робко кусая сахар, пьёт чай. А бабушка Елизавета так приветливо обращается к ней, что она всё смелее и смелее отвечает.

И кончается это тем, что, напившись чаю, они идут в маленькую комнату возле кухни и долго о чём-то беседуют. А Миня сидит за столом и слушает, как дядя Володя, Оскар, Проминский и Сосипа-тыч говорят про охоту, про тайгу.

Когда мать с Миней вернулись домой, отец сердито спросил:

— Ты что, забыла, что Заусайлов сказал?

— Их бабушка просила меня помочь по хозяйству, — ответила мать. — Вот и задатку рубль дала...

У отца вспыхнули глаза. Мать, чтоб задобрить его, отдала ему деньги и спросила:

— Так что ж нам — от своей выгоды отказываться? И почему это другие могут их даже квартирантами принимать, для своей корысти, а нам у них нельзя и копейки заработать? Теперь они живут не у Зыряновых, а у нашей хозяйки. И все те наказания Зау-

сайлова нас не касаются. Страшал он нас тогда по наговору Зырянова, кума своего, у которого и глаза завидушие, и руки загребущие. Но политики тоже не лыком шиты, раскусили его да ушли. Ну так ему, анафеме, и надо... Ты, Пётрис, куда же это? — спросила мать, видя, что отец, не слушая её, продвигается к двери.

НА РЫБАЛКУ

Об охоте разговору не было, птицы в эту пору сидели на гнёздах. Свои охотничьи сапоги Владимир Ильич отнёс на чердак, ружьё висело на гвоздике. Владимир Ильич взялся за ловлю рыбы. Это, казалось

— Да я скоро вернусь...

— Оставь деньги дома! — крикнула мать, когда отец уже вышел. Эх, не надо бы ему давать. Теперь уж назад не заберёшь. Но Миню это не волновало. Для него главное было одно: запрет Заусайлова снят. Он может, не боясь, что его высекут, ходить к дяде Володе и тётке Наде. За это не жаль и рубль отдать отцу на водку.

Мине, куда интереснее, чем охота. И вот почему: когда Владимир Ильич начинал собираться на рыбалку, то и Мине было много работы. Он не просился, чтоб Владимир Ильич взял его с собой, но мечтал об этом. Да всё выходило так, что Владимир Ильич отправлялся рыбачить ночью, и куда-то далеко, за Енисей. Днём ему некогда было: он всё время писал. Только после обеда выдавался сво-

бодный часок, чтоб накопать червей и наловить кузнечиков. Миня всегда с нетерпением ждал этого часа. Владимир Ильич брал лопату, и они шли копать червей. А потом переходили вброд Шушу и ловили кузнечиков. Надевая на том берегу речки свои драные штаны, Миня хвалился:

— Я, Владимир Ильич, — знаете как их ловлю? Ладошкой только хлоп! хлоп! — и есть! Я вам их тысячу или двести поймаю!

— Прекрасно! На тебя у меня вся надежда! — говорил Владимир Ильич, помогая Мине одеваться.

Пошли ловить. Кузнечики так и брызжут из-под ног. У Мини глаза разбежались. Ему хотелось всех одним махом поймать. Кинется за одним, а тут другой под самым носом стрекочет. Он за этим, а тут третий, четвёртый...

— Ты за одним гонись, — советует Владимир Ильич. — А то ни одного не поймаешь. Смотри, как я. Раз — и кузнечик мой. Сюда его — рыбка будет.

Миня начал бегать за одним кузнечиком. Гонялся, гонялся, а тот всё порхает и порхает из-под ладони. Остановился Миня, вытер пот с лица и говорит:

— Владимир Ильич! Поймайте вы его, а то он меня боится.

Давно Миня не видел, чтоб Владимир Ильич так безудержно смеялся, но мальчик не мог понять, что его так рассмешило. Удивлённо оглядел

ся он — туда, сюда, но ничего смешного не увидел.

Наловив кузнечиков, Владимир Ильич спрятал их в такой мешочек, как у отца кисет, и они повернули к дому. Владимир Ильич перенёс Миню через брод, и ему не пришлось раздеваться. А вечером за Владимиром Ильичём зашёл Сосипатыч. Они забрали все снасти и пошли рыбачить, пообещав тёте Наде корзину рыбы. Тётя Надя недоверчиво улыбнулась, а бабушка Елизавета сказала:

— Вы хоть сами там не утоните...

Миня заверил, чтоб успокоить бабушку:

— Не беспокойтесь! Если они утопятся, так не вернутся.

— Чудесно сказано! — смеясь, похвалил Владимир Ильич. — Из тебя настоящий рыбак выйдет. Ну, пошли...

Миня провожал рыболовов до околицы села, где на протоке Енисея стояла лодка. Сосипатыч рассказывал:

— Любит нашим разбойничать в тёмную, ненастную ночь. Луны совсем не переносит. Если луна пробивается сквозь тучи, то сматывай удочки и иди домой. А на свет огня — плывёт...

— Да что вы? — удивился Владимир Ильич.

— Правду говорю. Отец ещё меня учил, чтоб скорее костёр разжигал, когда начинаешь ловить налима. А рыбак, он, скажу я вам, Владимир Ильич, был такой, каких больше нет. Теперь мы вот на

крючок ловим, да ещё фабричный. А он, верьте или нет, ловил вот таких налимов на простую иголку.

— Что ж, — согласился Владимир Ильич, — из иголки можно сделать неплохой крючок.

— В том-то и штука, что никаких крючков он не признавал. Перевяжет иголку посредине леской, нацепит наживку — а он чаще всего на кусочек ерша ловил — и забрасывает. Налим глотнёт — он, разбойник, прожорливый — иголка становится поперёк горла, и тяни его тогда спокойно. Ну, Миня, тебе пора домой возвращаться, — прервав рассказ о повадках налимов, сказал Сосипатыч, когда они сели в лодку.

— Иду, — вздохнул Миня.

Но пошёл домой только после того, как лодка с рыболовами, отчалив от берега, скрылась за островом. Когда он добрёл домой, было уже совсем темно. На село, со стороны Саянских гор, надвигалась, сверкая молниями, гроза. Миня хотел ещё пойти к бабушке Елизавете и послушать её сказки, она их знала очень много, но мать не пустила.

Долго Миня не мог уснуть. Лежал с открытыми глазами и прислушивался, как за окном всё сильнее гремел гром, вспыхивая молниями. Иногда Мине казалось, что за окном то вспыхивала, то погасала лампа Владимира Ильича, — таким зелёным цветом молнии освещали избу. Страшно было за Владимира Ильича — как-

то они там с Сосипатычем сидят возле речки в такую грозу? Миня решил не спать всю ночь, потому что, если он заснёт, то с Владимиром Ильичём что-нибудь случится. А не будет он спать, то всё обойдётся хорошо... Он долго боролся со сном, который одолевал его. И всё-таки заснул...

А раскрыл глаза — за окном ярко сияет солнце. В избе никого нет. Миня кинулся к Владимиру Ильичу. Подбежал к крыльцу, увидел корыто, в котором лежали беловатыми брюшками вверх сомы и налимы. Из избы вышла бабушка Елизавета, удовлетворённо улыбаясь, сказала:

— Пришёл помогать мне? Ну давай чистить рыбу...

ПО ГРИБЫ

— Нет, нет, не уговаривайте меня! — отмахивался Владимир Ильич, когда ему начинали говорить, что надо бы по грибам съездить. — Не люблю я грибы собирать!

— А говорил, что всей семьёй в лес по грибы ходили, — сказала тётя Надя.

— Да, да, ходили. Но вся привлекательность тех походов заключалась не в сборе грибов, а в том, что мы с отцом пели запрещённые песни, читали стихи. А грибы были только поводом для тех чудесных прогулок. На всю жизнь они оставили в моей душе удивительно светлое чувство. И вообще это были самые счастливые годы нашей семьи. А как умер отец, так и посыпались на нас несчастья, одно

за другим. Брата Сашу казнили, сестра Оля заболела и умерла от тифа...

— Как это — казнили? — спросил Миня, который услышал об этом впервые.

Но Владимир Ильич, не ответив на его вопрос, рассказывал далее:

— Последнее лето Саша увлечённо собирал всяких червей, мотыльков. Препарировал лягушек. А я смотрел на него и думал: нет, не выйдет из брата революционера! Но не прошло и года, как он погиб на эшафоте. Вот кто умел мало говорить, а много делать. Для всех нас его участие в покушении на царя было страшно неожиданным. Хорошо, что отец умер ещё до ареста Саши. Если б отец был жив, то я просто не знаю, как бы он это перенёс. Мама, с её огромной силой воли, и то вернулась из Петербурга, после гибели Саши, совсем седой... Кстати, забыл вам рассказать. В прошлом году это было. Листаю какую-то газету и читаю: в Москве умерла Мария Александровна Ульянова. У меня сердце оборвалось: мама! Трудно передать, что я пережил, пока не выяснилось, что это какая-то мамина однофамилица...

— Да, Мария Александровна исключительная женщина! — сказала бабушка Елизавета. — Я просто преклоняюсь перед ней. И очень сожалею, что она не могла приехать сюда. Она здесь отдохнула бы душой. Ведь сердце матери больше всего болит за

тех детей — пусть они будут и взрослыми, — которым тяжелее всего живётся на свете...

— Если б Митю не арестовали, она бы непременно приехала, — сказал Владимир Ильич. — Такой у неё характер: задумает что-нибудь — не успокоится, пока не добьётся.

— Да и вы — весь в маму, — с улыбкой заметила бабушка Елизавета. — Как упрётся, так и парой коней с места не стронуть.

— Хорошо! — вдруг решительно и весело сказал Владимир Ильич. — Я пойду по грибы. Но не гневайтесь, если я вам насобираю одних поганок.

— А я вам покажу, какие надо собирать, — пообещал Миня. — Я знаю, какие — поганки, а какие — хорошие...

— Вот и прекрасно! Готовьте корзины.

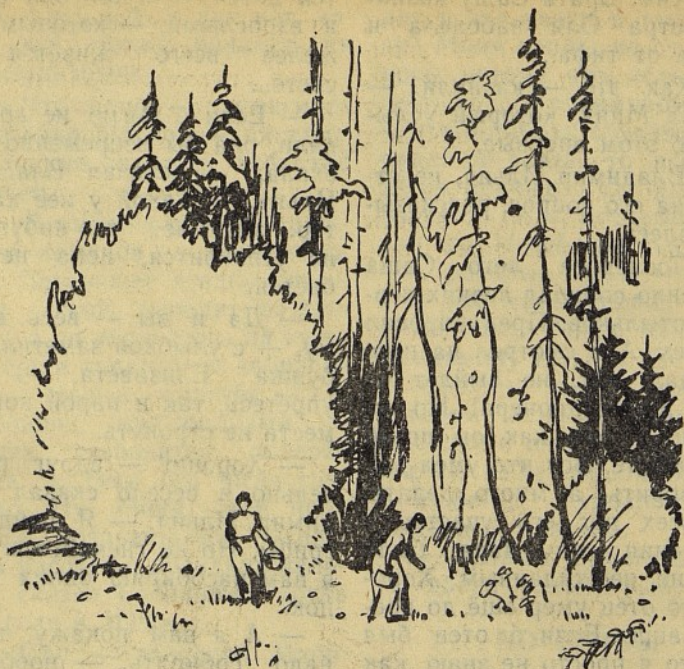
— Володя! Если тебе не хочется, то мы с мамой вдвоём пойдём, — сказала тётя Надя. — А ты можешь идти стрелять дупелей...

— Нет, хватит! Никаких дупелей! Идем только по грибы. Так, Миня?

— Давно бы так, — степенно заметил Миня. — А то проштатаетесь за теми дупелями, а зимой есть нечего будет...

— О, ты, Миня, хозяйственный мужик, — весело смеясь, говорил Владимир Ильич.

— А то как же? Мы с мамой уже бочку рыжиков насобирали, а вы всё за дупелями ходите. Хоть бы уж уток или

тетёрок стреляли, а то — дупелей. А что в том дупеле? Ни пера, ни мяса, только нос длиннющий, как шило. Так этот нос даже собаки не едят...

— Так его, Миня! — еле сдерживая смех, говорит бабушка Елизавета. — Учи его разуму...

— Разуму поясом учат, — возразил Миня. — А я пока что только говорю.

— А не поможет — возьмёшься за пояс? — неудержимо смеясь, спросил Владимир Ильич. — Ну, я не буду ждать этого исторического события — сегодня же иду за вами по грибы!

И пошли, потому что, если Владимир Ильич что-нибудь скажет, то так уж и будет. Взяли корзины, ножи, пирожки на обед, молока... Владимир Ильич предложил сделать так: дойти до Журавлиной горки, там отдохнуть да и вернуться домой. Но не устанет ли бабушка Елизавета? Ведь до Журавлиной горки почти четыре версты... Бабушка Елизавета сказала, что, собирая грибы, можно незаметно пройти и сто вёрст. Тогда Владимир Ильич написал записку и послал с нею Миню к Оскару. Миня полетел со всех ног.

Дядя Оскар был дома. Си-

дел возле маленького столика и из медного пятака выпиливал кольцо. Прочитав записку, он сказал, что вечером, вдвоём с Сосипатычем, поедут им навстречу. Пусть набирают побольше грибов.

Как только добрались до леса — до него было версты полторы — у всех даже глаза

разбежались — так много было грибов. Миня увлечённо бегал от одного гнезда рыжиков к другому. Владимир Ильич сначала собирал их равнодушно, но по мере того как углублялся в лес и грибы попадались один другого лучше, начал, как тётя Надя сказала, входить в «грибной раж». Он

бегал с Миней наперегонки, радостно сиял, когда самому выпадало счастье найти какой-то необыкновенный гриб.

— Это мой! — кричал он, увидя ещё издали хороший гриб.

— Нет, мой, — кричал Миня и стремглав летел к этому грибу.

Впрочем, он отдавал его Владимиру Ильичу, говоря великодушно:

— Это ваш, я только пошутил...

— А это твой, — отвечал Владимир Ильич, отдавая свой гриб. — Я тоже пошутил. Ну-ка, сколько там у тебя? Ого! Да ты, Миня, всех нас обскакал! Нет, так дело не пойдёт! Надо и нам подтянуться...

У Мини и впрямь было грибов больше, чем у всех, хотя он и не мог понять, как это получилось. Ему и в голову не приходило, что Владимир Ильич всё время незаметно подбрасывал рыжики Мине в корзину, едва только тот отвернётся. Он, правда, заметил, что Владимир Ильич как-то очень лукаво поглядывает на него, но не мог догадаться почему.

А вот и Журавлиная горка. Сосипатыч рассказывал, что тут в эту пору, отлетая в тёплые края, ночуют журавли. Да и где же им ночевать, если не тут? Отсюда, с Журавлиной горки, всё видно: и Саянские горы, — вон их верхушки, как облака, белеют в синем мареве, — и Енисей, со всеми островами и протоками. Вон и

Шуша блестит на солнце, как ручеёк: такой маленькой она кажется.

— Владимир Ильич! Смотрите, смотрите — журавли! — закричал Миня, увидев высоко в небе журавлиный клин. — Давайте спрячемся, а то они заметят нас и пролетят мимо.

— Нет, Миня, сейчас они тут не сядут, — сказал Владимир Ильич. — Слишком высоко летят и чересчур спешат. Ведь путь их так далёк...

— А почему они так жалобно курлычут, будто плачут?

— Тяжело с родными краями расставаться. А оставаться — нельзя, зимой морозы лютые, погибнут, — не сводя глаз с журавлей, сказал Владимир Ильич. — Великое счастье — крылья: поднялся и полетел...

— Ага, я тоже думал, — сказал Миня, — чего это бог людям крыльев не присил? У какой-то глупой курицы и то крылья есть, хоть ей совсем не нужно, а у меня нет.

— У людей, Миня, есть крылья, — сказал Владимир Ильич.

Миня глянул на него подозрительно: опять шутит?

Но Владимир Ильич смотрел на Миню так, как он смотрит на лист бумаги, когда что-нибудь пишет, — задумчиво прищурясь.

— Это вы про те, что в церкви намалёваны? Так то же не простые люди, то ангелы. Вы вот не ходите в церковь и не знаете, а я знаю; Иисус без крыльев и гвоздями к кресту

прибитый, за то, что отца и мать не слушал. А все эти ангелы днём на иконах летают, а ночью по всему свету. Мама говорила, что и к нам прилетали, да я тогда спал.

Увидев, что Владимир Ильич насмешливо улыбается, Миня спросил:

— Не верите? Ну так скажите, где у меня крылья? Ведь нет их?

— Нет, есть. Вот они у тебя где, — сказал Владимир Ильич, ткнув Миню пальцем в лоб.

— В голове? — удивился Миня. — Тоже скажете... Из головы только рога растут. И то — не у людей, а у быков и баранов!

— Ох, Миня! — весело рассмеялся Владимир Ильич. — Мал ты ещё. Но всё-таки за-

помни: нет ничего более крылатого, чем ум человека. Подрастёшь немного — сам поймёшь.

Владимир Ильич обернулся к бабушке Елизавете, спросил:

— Ну что будем делать? Ждать телегу или пойдём к селу?

Решили оставить корзины на Журавлиной горке и походить ещё немного. Бабушке Елизавете и тёте Наде хотелось непременно привезти домой полные корзины грибов. И пока Сосипатыч с Оскаром приехали на телеге, они собрали грибов столько, что некуда было и класть. Пришлось бабушке Елизавете снять фартук, — не пропадать же добру! — и положить их туда.

Перевела с украинского
Г. РЕЗЦОВА

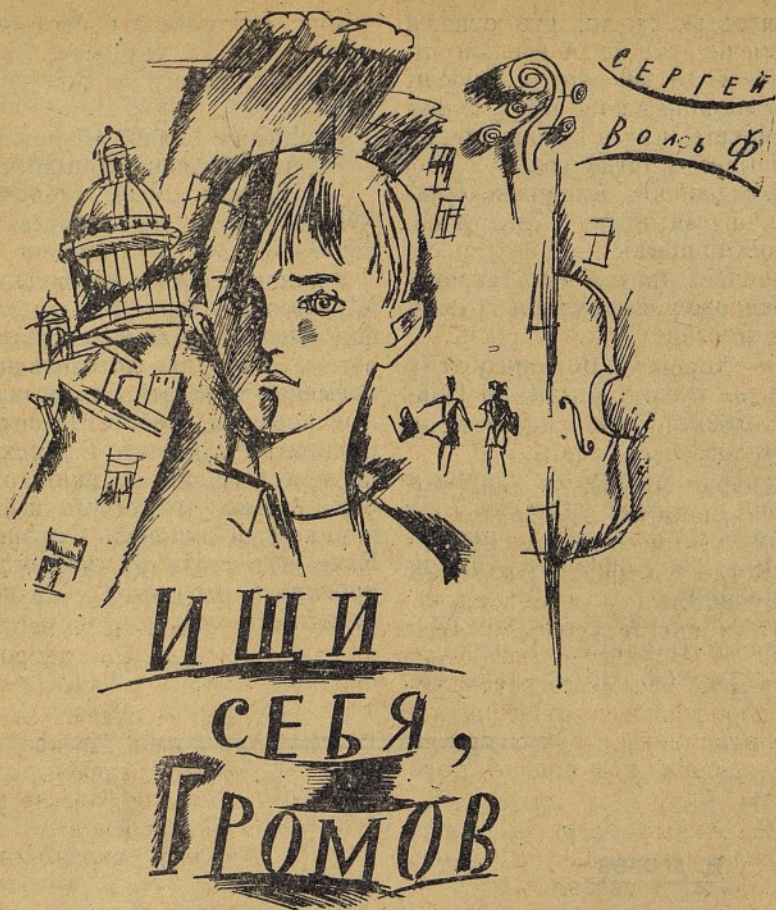
*/

Н. ЕГОРОВ

О С Е Н Ь

*Зацвели озёра тиной.
Сентябрит в моём краю.
От простуд не чай с малиной —
Я дожди с малиной пью.
Хорошо ли —
Не гадаю.
В рёсах сплю —
И ничего.
Дней пустых не коротаю
Возле дома своего.*

*Ухожу смотреть озимку,
Очень маленькую рожь.
С нею, маленькой, в обнимку
Долговязый ходит дождь.
Я их дружбе не мешаю.
Постою,
Уйду к лугам...
Эта дружба — к урожаю,
Да ещё к большим снегам.*

ИЩИ СЕБЯ, ГРОМОВ

Вот это работёнка, думал я, да если бы я знал, что в какой-нибудь турбине на какой-то там электростанции есть деталь, которую я сделал сам на станке, я, наверное, был бы другим человеком. Да нет, не наверное, а точно был бы другим.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 8 за 1969 г.

17

На переменке меня отозвала в сторону Евгения Максимовна и сказала:

— Знаешь что, Митя? Я сейчас как раз ответственная за сбор материала в школьную стенгазету, в редколлегии узнали, что мы были на экскурсии на заводе, и очень просили, чтобы кто-нибудь напи-

сал об экскурсии. Напиши ты. Конечно, ты не обязан, но ты всё же лучше всех знаешь Дымшица, а надо обязательно написать и о нём. Напиши, если ты не против. Только просто напиши, поживее, как было, так и напиши, и поначалу не думай о знаках препинания, а то станешь строить предложения слишком грамотно, и выйдет сухо. Хорошо?

— Хорошо, я напишу, — сказал я, хотя мне не очень-то хотелось писать, только ей не хотелось отказывать.

После школы я помучился — написал эту заметку и отвёз её Евгении Максимовне.

Когда я вернулся, дома никого не было, и я не знал, садиться мне за уроки до обеда или не садиться — до обеда как раз час всего оставался. Я поболтался по квартире как неприкаянный, и тут прозвонел звонок, и я пошел открывать.

Я открыл дверь и увидел незнакомого дядьку в ватнике и шляпе. Я сказал:

— Здравствуйте, вам кого?

Он говорит:

— Скажи, дети у вас в квартире есть?

— Какие дети? — говорю.

— Какие-какие?! Такие, как ты.

— Есть, — говорю.

— А где?

— Я сам, — говорю, — раз такие, как я.

— Ты не остри, — говорит. — Кроме тебя есть?

— Есть. А что, нельзя остричь?

— Да отстань ты! Кто есть кроме тебя?

— Сестра.

— А где она?

— Нет её дома!

— А где? Скоро придёт?

— Не знаю. Она в Москву уехала.

— Слушай! — говорит. — Ты мне брось! Я по делу, и мне не до шуток. И не до острот. Если все будут остричь, то дела никогда не сделаешь. Сначала надо дело сделать, а потом уже шутить. «В Москву уехала!» Раз она в Москву уехала, раз её нет, зачем она мне. А если ты шутишь, и она дома, зови её сюда, у меня дело. Дело — это главное, а потом уже шутки.

Вот тип! А может, он вор, а? Но вообще-то он мне здорово надоел.

— Нет её, — сказал я. — Может, она и не в Москве, но дома её нет, это главное.

— А что она в Москве делает, если она ребёнок?

— А кто вам сказал, что она ребёнок?

— Сам же сказал, что такая, как ты.

— А кто вам сказал, что я ребёнок?

— Слушай, — говорит. — Хватит! Не до шуток. Раз её нет, так нет. А ты точно ребёнок, ты-то мне и нужен.

Доехали!

— Так какое же дело? — спрашиваю.

Он говорит:

— А дело вот какое. Только если её нет дома. А то зови.

— Квартиру вам, что ли, показать? — говорю.

— Нет, нет, — говорит. — Не надо. Ну, слушай. Сам я из родительского комитета при домохозяйстве. Детей у меня, слава богу, нет, но в комитете я состою. И вот мы в комитете ещё в конце лета решили, что заведём у себя в доме музыкальный кружок, струнный оркестр для детей. Составили список, взяли напрокат инструменты, нашли педагога, и вдруг — на тебе, половина детей, которые записались, наотрез отказывается учиться в струнном оркестре. То ли они передумали, то ли упрямые, то ли им родители запретили из-за плохой успеваемости — я не разобрался, но они наотрез отказываются, не хотят.

— Глупые дети, — сказал я.

— Во, — сказал он. — Точно. А ты умный! И сестра твоя умная, если бы она была здесь. И я тоже прошу — иди ты, пожалуйста, в этот оркестр. Сам иди и сестру веди.

— Нет, — сказал я.

— Почему? — говорит.

— А я не хочу, — говорю. — И в списке меня не было. Я и не обязан, — говорю.

— А кто говорит, что ты обязан? Никто и не говорит. А ты иди и учись.

— Не пойду, — сказал я.

— Ты пойми, — говорит. — Если не будет полного списка, окажется мало денег, и педагог вообще не захочет с остальными заниматься.

— Ах ещё и деньги платить? — говорю. — Нет, я не пойду. Да с чего вы взяли вообще, что я хочу? Не хочу я

заниматься музыкой! Да ещё за деньги.

— Да при чём тут деньги?! — говорит. — Не в деньгах дело. Ты про деньги не думай, и про то, что не хочешь, — тоже не думай. Ты просто иди и учись музыке.

— Бесплатно? — говорю.

— Почему же бесплатно? За плату.

— Не пойду, — сказал я.

— Вот заладил: «Не пойду — не пойду. Обязан — не обязан. Должен — не должен. Деньги — шменьги»! Да пойми ты, куриная твоя голова, что идея важнее.

— Какая ещё идея?!

— Да я же объяснял тебе, что половина-то детей хочет заниматься, но если вторая половина не придёт — и заниматься не будет и денег не даст, то и первая, желающая половина откажется, потому что вдвойне платить дорого. Так что, что значит, что ты не хочешь? Ты не хоти, но иди, и деньги плати. Спасай положение, идею спасай, понял? Потому что одна половина заниматься в струнном оркестре хочет.

Надоел он мне — ужас. Да к тому же, как-никак, а говорил он верно. Что же, те ребята, которые хотят учиться, учиться музыке не будут, раз другие, подлецы, отказались? Это несправедливо. Да и за инструменты в прокате домохозяйство заплатило.

— Ладно, — сказал я. — Я приду. А когда занятия?

— Вот так-то, — сказал он. — Не сразу, но разобрал-

ся. А занятия уже сегодня, в семь вечера, в красном уголке. Знаешь, где красный уголок? В третьем подъезде, внизу. Как твоя фамилия?

— Громов, — сказал я, и он записал мою фамилию и номер квартиры. После ушёл. А я подумал, что очень странно я с ним говорил. Непохоже на себя.

Пришла мама, и я рассказал ей об этом дядьке и струнном оркестре. Мне показалось, она даже обрадовалась.

— Конечно иди, дорогой. Ведь ты обещал. И потом музыка — это же замечательно. Я давно об этом думала. Обязательно иди.

Красный уголок я отыскал сразу и, когда вошёл туда, увидел, что народу собралось немного — человек десять: около двери сидел какой-то длинный незнакомый парнишка, на стульях в нескольких местах — разная мелюзга, малолетки, человека по два, по три, а в самом конце комнаты, у стола с красной скатертью, — почему-то наш Жора Питомников... Я пошёл к нему, думая, что он-то здесь делает, ведь он, кажется, не из нашего дома.

— Здорово! — сказал я. — А ты чего?

— Да ну к лешему! — сказал Жорка. — Вечно я попадаю в глупые истории. У вас тут в доме один мой знакомый живёт, Генка Генералов, я забежал к нему днём забрать мой детектив обратно, я ему почитать давал, а тут

как раз какой-то мужик припёрся в ватнике и в шляпе...

— Во-во! — сказал я и засмеялся.

— И ты тоже?!

— Ну да, — говорю.

— Ну потрясающе! Да ты-то ладно, ты хоть в этом доме живёшь. А я здесь при чём?

Я посмотрел на инструменты, они стояли вдоль стены, за столом с красной скатертью. Гитары, балалайки, мандолины, какая-то огромная балалайка, одна скрипка и снова балалайка и гитары.

— Может, отвалим, а, Гром? — спросил Жорка, и тут же в красный уголок вошёл старичок в коричневом пиджаке, в галошах и шарфе на шее, шарф он заправил под пиджак. Я не сразу сообразил, кто он такой, он как-то тихо, бочком прошёл вдоль стенки через комнату и сел на стул в углу, а не за стол. Он сидел, смотрел на нас, кашлял и ничего не говорил. Помаленьку те, кто разговаривал или шушукался, замолчали, и стало тихо. Тогда он встал, подошёл к столу и сказал:

— Здравствуйте, милые дети. Меня зовут Никодим Давыдович, и я буду учить вас музыке. Возьмите, пожалуйста, инструменты, и мы, не теряя времени, начнем заниматься.

Но никто не шевельнулся и не встал.

Жора Питомников сказал:

— А где же барабан? Я, знаете ли, хотел на барабане, потому что на будущий год собираюсь играть в джазе.

— Что ж, очень грустно, — сказал Никодим Давыдович и развёл руками. — Но барабана нет. Я спрошу в родительском комитете, может быть, они возьмут напрокат и барабан.

— А то, — сказал Жорка, — мне не очень-то и нравится. И вообще я из другого дома, просто меня уговорили, и барабана к тому же нет.

— Что же мне тебе сказать? — Никодим Давыдович помолчал. — Ну если тебе здесь неинтересно и тебя к тому же уговорили, ты можешь идти. Я не буду сердиться.

Я краем глаза поглядел на Жорку и увидел, что он вдруг покраснел.

— Да нет, — сказал он. — Я останусь. Вы не думайте...

не сердитесь. Просто я хотел на барабане, я настроился...

— Я не сержусь, что ты, — сказал Никодим Давыдович. — Оставайся, конечно. Ну, дети, берите инструменты.

Малыши встали и тихо тронулись к стенке, где стояли инструменты. Длинный парнишка, который сидел у самого выхода, вдруг как-ак вскочит — и в дверь, только его и видели, наверное, передумал учиться музыке, но Никодим Давыдович ничего не видел, он стоял спиной к выходу. Мы с Жоркой сидели и ждали, как дураки, когда малышня выберет себе инструменты. Они — эта мелюзга — когда дорвались до инструментов, вдруг стали визжать, ссориться и вырывать друг у друга эти ба-

лалайки, гитары и мандолины. Никодим Давыдович еле их успокоил, сам роздал им инструменты и велел сесть на место, сказав, что на первый раз даже не очень-то и важно, какой у кого инструмент. После и мы с Жоркой пошли за своими. Я подумал и взял единственную скрипку со смычком, он — гитару, и мы подсели к остальным, а Никодим Давыдович сказал:

— Ну, прекрасно, дети. Я даже и не знаю, будем ли мы сегодня играть. Вы не расстраивайтесь — всё будет, но сегодня я хочу рассказать вам о том, что такое музыка и какие на свете были композиторы, сочинявшие эту музыку. Может быть, мы успеем, и я расскажу тогда про ноты, про нотные линейки, где какая нота пишется и как она называется. Вы слушайте и держите свои инструменты, привыкайте к ним.

Странно, но пока он потом рассказывал, никто не шевельнулся и не дёргал инструменты за струны: я был уверен, что малышня наверняка будет дёргать струны. Нет, не дёргали.

Честно говоря, я не слушал, что рассказывал Никодим Давыдович, наверное, интересное что-нибудь, если все сидели тихо. Я о своём думал.

После кто-то из малышей всё же не удержался и дёрнул за струну, потом второй. Никодим Давыдович сказал:

— Ну, дети. Я вижу, вы устали. Тогда про ноты я расскажу вам в другой раз, а

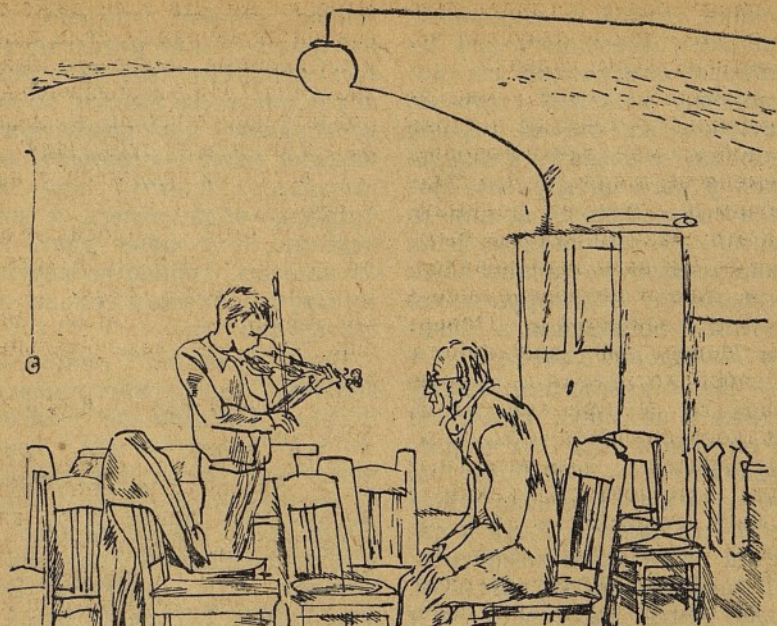
сейчас давайте поиграем кто как умеет. Вы не расстраивайтесь: ясно, что у вас на первых порах ничего не выйдет, но это не страшно, нет, рассмотрите каждый свой инструмент, попытайтесь понять, как он устроен, обращайтесь с ним бережно, это ваш друг. Не стесняйтесь, только не дёргайте струны слишком сильно, им это вредно.

Вся малышня принялась щипать свои инструменты, Жорка Питомников скорчил жуткую рожу, — мол, непонятно, как играть, я растерялся от всей этой ерунды, и мы с ним долго ничего не делали, а просто сидели и смотрели в потолок. Чушь какая-то! Вот ведь номер. Тут же я обозлился, прижал скрипку к плечу, положил на неё подбородок (так и надо — я видел) и стал водить смычком по струнам: туда — обратно, туда — обратно. Потом стал прижимать струну пальцем в разных местах, после другую струну — получились разные кошмарные звуки.

Никодим Давыдович ходил по комнате среди ребят и каждому почти говорил:

— Та-ак. Молодец! Молодчина! Любое такое расстояние на грифе, от железочки до железочки, называется лад. Запомни. А это и есть как раз гриф. На нём располагаются струны.

На меня он взглядывал только изредка и ничего не говорил. Потом стал глядеть чаще и даже останавливаться около меня, но по-прежнему

молчал. Я взглянул на него и увидел, что он как-то странно на меня смотрит. Смотрит и молчит. Я отвёл глаза и изо всех сил задвигал смычком по скрипке. Один раз он положил руку мне на плечо, ужасно сделалось мне неловко, я съёжился и перестал играть, и тут он сказал:

— Дети, я думаю, на сегодня достаточно, хватит. Ставьте свои инструменты к стенке и идите домой, а если вам понравилось, приходите снова через три дня, в семь часов, мы будем заниматься два раза в неделю.

Потом он поглядел на Жорку Питомникова и добавил:

— Если вы с ним друзья (и он указал на меня), подо-

жди его, пожалуйста, в парадной или на улице — мне нужно поговорить с ним наедине. С глазу на глаз. Тебе не трудно, я надеюсь?

Я поглядел на Жорку, сделал так губами и плечами пожал, мол, понятия не имею, в чём тут дело, а малышня уже вопя убегала из комнаты, и Жорка тоже пошёл, сказав, что дожждётся меня на улице.

Когда комната опустела и остались только мы вдвоём, Никодим Давыдович и я, он велел мне сесть и долго молча ходил по комнате вокруг меня.

— Не знаю, как и начать, — сказал он, вдруг посмотрев мне прямо в глаза. Я сидел.

Он ещё немного походил по комнате, потом быстро подо-

шёл ко мне, положил мне руку на плечо, опять поглядел прямо в глаза, после отпустил меня, отвернулся и сказал:

— Я боюсь, что ты мне не поверишь. — Он так и стоял спиной ко мне, так и говорил, на меня не глядя. — Я, между прочим, и сам не всё понимаю, как это сразу может так быть, но... — Он замолчал ненадолго и, так и не повернувшись ко мне, закончил: — Поверь мне, поверь мне, пожалуйста, на слово, хотя, если ты и поверишь, ты не придашь этому никакого значения, но... у тебя, братец, замечательный звук, — и повторил каким-то особым голосом: — да-а, замечательный звук!

Тут же он быстро повернулся ко мне и заговорил почти скороговоркой:

— Тебе не понять, никак не понять, что это значит. Я не могу сообразить только, хорошо или плохо, плохо или хорошо, что ты этого не понимаешь. Может, это и к лучшему? А может, ты и понимаешь? Не знаю. Прекрасный звук! Да знаешь ли ты, братец, что это такое? Это... это... дар, особый дар. Прекрасному звуку нельзя научиться, хорошему — да, можно, но прекрасному — никогда, его надо иметь. И ты его имеешь. Любый настоящий музыкант отдаст бы полжизни, чтобы иметь такой звук, как у тебя. Я ничего не понимаю! Ты ведь впервые в жизни держал в руках инструмент, ведь так?

— Да, — сказал я. — Впервые.

— Иди, — сказал он. — Я верю. Ай! Да если даже ты говоришь неправду, если даже и не впервые, какое это имеет значение?! Иди и обязательно-обязательно приходи в среду. Запомни, я жду тебя. Иди.

Я встал, попрощался с ним и вышел.

— Ну что? — спросил Жорка. — Чего он от тебя хотел?

— Знаешь, — сказал я. — Он говорит, что у меня... знаешь что? — замечательный звук!

Мы переглянулись и оба захотали.

— Вот что, — сказал Жорка. — Заскочим ко мне. Чайку попьём, а главное, я покажу тебе пару кроликов, очень хороших, я вчера приобрёл.

Я вдруг подумал, что он ничего себе парень, довольно общительный, но не приставала, нормальный, симпатичный парень, и я согласился.

18

До сих пор ума не приложу, как это вышло и кому пришла в голову эта сумасшедшая идея — пригласить меня в состав редколлегии стенной школьной газеты, но факт остаётся фактом: меня пригласили.

На перемене в класс пришла Евгения Максимовна (я как раз дежурил с Кудей), Кудю она послала с каким-то поручением в учительскую, а мне с ходу изложила это гениальное предложение членов редколлегии.

— Пойми, — говорила Евгения Максимовна, а я стоял

и качал головой из стороны в сторону: не хочу, не хочу. — Ведь это очень почётно — их предложение. И для нашего класса это почётно. Посуди сам: в редколлегии школьной стенной газеты все, понимаешь, все ребята из старших классов — восьмых, девярых, десятых. Есть ещё одна девочка из седьмого — тоже случай исключительный (особо талантливая девочка, подумал я), из шестых классов — ты один, — случай редчайший.

— Зачем я им? — сказал я. — И почему именно меня? Почему не Цыплакова, например, у него по русскому сплошные пятёрки, а у меня и тройки проскакивают, вы же знаете?

— Да пойми же ты, — сказала Евгения Максимовна, — что всё решила твоя заметка. Я, конечно, её читала, и она мне очень и очень понравилась, но они просто пришли в восторг, и я их понимаю, у тебя верный глаз и очень хороший стиль, ты пишешь свободно и просто.

— И что я там буду делать? — спросил я.

— А вот это я не знаю, это они тебе сами объяснят. Что-нибудь стоящее, поверь мне, ведь они сами пришли от тебя в восторг, никто им не подсказывал. Зайди сегодня после пятого урока в 10-а, там будет собрание редколлегии. Хорошо? Смотри, не подведи меня и наш класс. Жаль, что мне приходится тебя уговаривать, я этого не люблю, не люблю заставлять, понимаешь? Дру-

гой бы на твоём месте сразу бы согласился.

Когда прозвенел звонок на шестой урок, я сразу же пошёл в этот 10-а, — терпеть не могу тянуть резину, если уж что-то решил...

В классе за партами в разных местах сидело человек пять мальчишек и девчонок — старшекласники. Они болтали, фасонили, по-моему, и не обратили на меня никакого внимания, когда я вошёл. Я постоял немного и сел, жутко ненавидя себя за то, что вечно я соглашаюсь, когда меня уговаривают. На столе — я увидел — лежала, свешиваясь краями, огромная стенная газета, ещё пустая, без заметок, но уже с заголовком: «Мир и мы».

В класс вошли ещё две девчонки, ужасно модные, их-то те, которые сидели, сразу заметили (хотя, по-своему, я был даже рад, что на меня никто не обращает внимания) и завопили:

— Ну где же вы?! Пора, пора. А мы ждём! Так нельзя! Тра-ля-ля, тю-тю-тю, ах-ах!!!

Тут же встал худющий-худющий такой старшекласник и сказал:

— Друзья, начнём!

И только после этого посмотрел на меня.

— Извиняюсь! — сказал он, глядя на меня, и все тогда — я заметил краем глаза — посмотрели на меня тоже. — Что ты хотел?

— Ничего особенного, — сказал я громко. Мне вдруг захотелось встать почему-то,

но я не встал. — Мне сюда велили... ну, предложили зайти. Евгения Максимовна предложила.

— Как твоя фамилия? — спросил он с ударением на «как».

— Громов, — сказал я.

— О-о-о! Громов! — сказал он, и я подумал, что он с самого начала догадался, гусь, что я и есть Громов, только ломал комедию. — Друзья, это Громов!

Я опустил глаза и стал краснеть. Все, наверное, смотрели в этот момент на меня, рассматривали.

— Вот что, Громов, — стал он говорить дальше, но я не поднял головы. — Мы решили здесь все, не пригласить ли тебя работать к нам в редколлегия, и если ты не против, потому что силой мы никого не заставляем, мы сейчас проведем первую часть нашего заседания, которая в плане так и записана: «Приём Громова». Так ты не против?

— Не против, — сказал я глупым голосом.

— Отлично! Кто читал заметку Дмитрия Громова «Туманный цех»? Прошу поднять руки.

Краем глаза я видел, как все подняли руки.

— Кто за то, чтобы Дмитрий Громов стал членом редколлегии нашей газеты?

Руки опять подняли все.

— Поздравляю! — сказал он. — Здесь ещё нет двоих: у одной девочки шестой урок, а Зайченков болен, но ты всё

равно принят большинством голосов. Мы с удовольствием прочли твою заметку «Туманный цех». Она нам очень приглянулась. («Приглянулась!» — смех!) Очень точное, хотя и не броское название. Обычно пишут: «Экскурсия на завод» или «На заводе», а у тебя очень просто и хорошо.

— Мишка, брось трепаться и пускать человеку пыль в глаза, — сказала одна из девчонок, и все захохотали.

— Зови меня просто Миша, идёт? — сказал он, и я кивнул ему. — Хотя я и главный редактор Михаил Тарханов.

Вроде бы ничего были люди. Сначала я думал — пижоны, а оказалось — просто валяли дурака. Ладно, посмотрим.

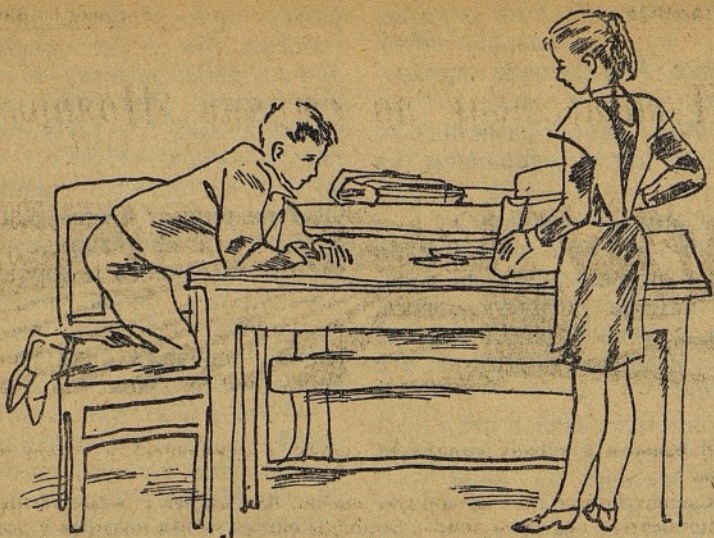
Неожиданно прозвенел звонок с шестого урока, и тут же дверь в класс отворилась и влетела... Тома.

— А-а-а! Томик! — сказал главный. — Как всегда вовремя. Ты у нас умница! Мы тут решили попросить тебя об услуге: останься, дорогая, и наклеи на лист все заметки, они уже перепечатаны, и молодой человек Громов, которого ты видишь на первой парте, тебе поможет.

Ага, ну я так и думал, будем клеить газету!

Все старшие повскакали с мест и, уже не замечая нас, умчались из класса — только их и видели. Мы остались вдвоём. Я так и сидел на первой парте. Заколотило вдруг меня — ужас.

— Я читала твою заметку, вернее, твой репортаж, — ска-

зала Тома. — Очень и очень пристойно написано. (Я почти не слушал, что она говорит.) Тебя, конечно, приняли в редколлегию? Поздравляю! Сейчас будем наклеивать заметки.

— У вас скоро вечер? — вдруг спросил я.

— Что?

— У вас, я говорю, скоро вечер, у семиклассников?

— Да. А что?

— Ничего, — сказал я. — Я приду. Собираюсь прийти.

— Зачем? Танцевать?

— Нет.

— А зачем тогда?

— На тебя поглядеть! — сказал я чужим голосом.

— О-о! — сказала Тома. — Любопытно. Но тебя не пустят.

— Если ты скажешь — пустят!

— А ты думаешь, я скажу?

— Скажешь!

Она поглядела на меня, улыбаясь, красивая — ужас, но я смотрел ей прямо в глаза, как — сам не знаю, и она вдруг перестала улыбаться и сказала:

— Ну что ж, приходи.

И отвернулась от меня в сторону.

(Окончание следует)

Путешествие по стране «Ноябрь»

Въезжаем в страну холодную, сырую и сумрачную, в страну «Ноябрь».

Сыплет белый снег на чёрную землю. Всё вокруг становится пегим. Лес полосатый, как бока зебры. Борозды пашни — как клавиши у рояля.

На белых речках — чёрные полыньи, на чёрных дорогах — белые лужи. На бело-чёрных берёзах чёрно-белые сороки сидят.

«Приехал ноябрь на пегой кобыле».

Чёрные озёра и белые берега. Чёрные пни в белых шапках. Чёрные галки над белым полем.

Белые зайцы на чёрной земле. Белые муравейники у чёрных стволов. Белые кочки на чёрном болоте.

Всё двухцветное и рябое.

Чёрный дом с белой крышей. Белый дым из чёрной трубы. Чёрный стог с белым боком.

Одно небо ровное — серое и глухое.

Ни звонкого голоса, ни гулкого эха. Всё как-то исподволь, шёпотом, стороной. То дряблая оттепель, то упругий мороз. Серо и сыро, пусто и глухо. Полузима — полусось, полудень — полувечер.

Робко напутали, напетляли по снегу птицы и звери. А человек прошагал — как расписался. Чётко и твёрдо — как чёрным по белому.

Курорт «Сосулька»

Сидела Сорока на заснеженной ёлке и плакала:

— Все перелётные птицы на зимовку улетели, одна я, дура оседлая, морозы и вьюги терплю. Ни поесть сытно, ни попить вкусно, ни поспать сладко. А на зимовке-то, говорят, курорт... Пальмы. бананы, жарница!

И слышит вдруг голос:

— Это смотри на какой зимовке, Сорока!

— На какой, на какой — на обыкновенной!

— Обыкновенных зимовок, Сорока, не бывает. Бывают зимовки жаркие — в Индии, в Африке, в Южной Америке, а бывают холодные — как у вас в средней полосе. Вот мы, например, к вам зимовать-курорт-

ничать с Севера прилетели. Я — Сова белая, они — Свиристель и Снегирь и они — Пуночка и белая Куропатка.

— Что-то я вас не пойму толком! — удивляется Сорока. — Зачем же вам было в такую даль лететь киселя хлебать? У вас в тундре снег и у нас снег, у вас мороз и у нас мороз. Тоже мне курорт — одно горе.

Но Свиристель не согласен:

— Не скажи, Сорока, не скажи! У вас и снега поменьше, и морозы полегче, и выюги поласковей. Но главное — это рябина! Рябина для нас дороже всяких пальм и бананов.

И белая Куропатка не согласна:

— Вот наклююсь ивовых вкусных почек, в снег головой зароюсь — чем не курорт? Сытно, мягко, не дует.

И белая Сова не согласна:

— В тундре сейчас спряталось всё, а у вас и мыши, и зайцы. Весёлая жизнь!

И все другие зимовщики головами кивают, поддакивают:

— Век живи, век учись! — удивляется

Сорока. — Выходит, мне не плакать надо, а веселиться! Я, выходит, сама всю зиму на курорте живу. Ну чудеса, ну дивеса!

— Так-то, Сорока! — кричат все. — А о жарких зимовках ты не жалея, тебе на твоих куцых крыльях всё равно в такую даль не долететь. Курортничай лучше с нами!

Снова тихо в лесу. Сорока успокоилась. Холодные курортники едой занялись. Ну а те, что на жарких зимовках живут, — от них пока ни слуху ни духу.

Ласка, Белочка и Медведь

— Я, Ласочка, к зиме беленькой стала — как берёзка!

— А я, Белочка, серенькой — как осинка!

— Ну а я, Медведище, как ёлочка: зимой и летом одним цветом!

Сорока и Оляпка

— О-о-ой, Оляпка, никак купаться в полынье вздумала?! — И плавать и нырять!

— А замёрзнешь?

— У меня перо тёплое!

— А намокнешь?

— У меня перо водоотталкивающее!

— А утонешь?

— Я плавать умею!
— А... А... А проголодаешься после купанья?

— А я для того и ныряю, чтоб водяным жучком закусить!

Сойка и Заяц

— Вот бы тебе, Заяц, да лисьи зубы!

— Э-э, Сойка, всё равно плохо...

— Вот бы тебе, серый, да волчьи ноги!

— Э-э, Сойка, невелико счастье...

— Вот бы тебе, косой, да рысьи когти!

— Э-э, Сойка, что мне клыки да когти? Душа-то у меня всё равно заячья...

Сердитые голоса

«На кого бы ещё пожаловаться? На соседей жаловалась, на родственников жаловалась, на погоду жаловалась. А ну-ка, я теперь сама на себя пожалуюсь!

Жалуюсь сама на себя! Живу я у людей в доме и порчу им жизнь. Хлеб грызу, книги пачкаю, обои рву. По ночам со своими друзьями и родственниками грызусь — спать никому не даю. Прошу принять меры: поставить капкан или мышеловку!

Подпись: Домовая мышь».

«В сентябре мы просили ребят: не забудьте сделать для нас кормовые столики!

В октябре мы радовались: ребята столики выставили!

А в ноябре на них жалуемся! Не на всех, конечно, а на тех, кто вместе с угощением ставит на столики западни. В клетку мы совсем не хотим и не об этом мы вас просили.

Подпись: Синицы».

В стране хитрых хищников

Сегодня я расскажу вам о стране невероятно хитрых хищников. Совершенно эта страна называется «НРСНКС», что расшифровывается так: «Не руби сук, на котором сидишь».

Хищники во всех странах очень хитрые, но в стране НРСНКС они до того хитрые, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Я таких хитрецов первый раз в жизни встретил!

А я, как известно, кое-что повидал. Ну, сами судите... Поймают, скажем, наши волк или ястреб добычу, сейчас же, конечно, убьют её и съедят. И не посмотрят даже, полновесна ли его добыча, жирна ли, вкусна ли. А может, дети у неё в гнезде или логове остались? И в ус не дуют, что весь выводок напрасно погибнет, что самим завтра лопать будет нечего. Не умеют вперед смотреть, глупы, только бы сегодня брюхо набить.

А в стране «Не руби сук, на котором сидишь» что ни хищник, то прямо тебе вычислительная машина! Всё у них предусмотрено, всё рассчитано, во всём бережливость и экономия. Правда, имена у них не очень-то благозвучные. Есть рыба

Сорвиголова. Есть птица Оторви-хвост. А вот ещё имечко: Выдер-ниноги. Прямо скажем, имена ещё те! Но зато они никогда и никого не убивают! Убивают только глупые хищники, говорят они, а мы — хищники умные и расчетливые. Зачем убивать? Пусть дичь растёт, пусть вес нагуливает, деток растит, нам всё это только на пользу. Чем больше дичи, тем хищникам веселей!

Видел я однажды, как повстречались там хищник и дичь. Всё тихо, мирно, ни рёва, ни писка. Смотрит хищник на свою дичь и говорит сладким голосом:

— Эй, дичь, повернись-ка, повернись-ка, я повкусней кусочек выберу!

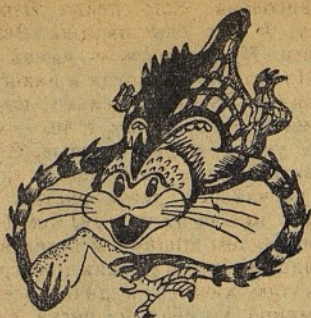
— Пожалуйста, — отвечает дичь, — жалко, что ли? Выбирай по вкусу.

— Ну ладно, — мурлычет хищник, — я сейчас, наверное, голову у тебя для холодца оторву. Или, пожалуй, ногу на жаркое. А может, и хвост оторвать?

— Рви на здоровье что хочешь, — улыбается дичь, — не жалко. Всё равно новые вырастут. Голову оторвёшь — голова вырастет, ногу — нога, хвост — и хвост вырастет! Не боюсь я ни Сорвиголовы, ни Оторви-хвоста!

— Я тебе жизнь сохранию, — говорит хищник, — не стану тебя целиком есть, одну голову оторву, но ты смотри времени не теряй даром, поскорее новую голову отращивай, я к тебе на днях снова за холодцом забегу!

Вот как у них всё мирно и по-хо-рошему.

Оторвал хищник дичи голову и убежал холодец варить. А дичь по-

лезла в нору новую голову отращи-вать.

Так и живут. Хитрые у них хищ-ники, а дичь и того хитрее. Хищ-ники по лесу идут, головы, ноги, хвосты отрывают — пух и перья летят! А для дичи всё как с гуся вода, потому что у неё новые голо-вы, ноги и хвосты отрастают.

Вот какая удивительная страна НРСНКС! Хищники хищничают, и дичь не переводится. Как говорится, и волки сыты, и овцы целы!

Что улыбаетесь? Не верите? А ну-ка, подумайте хорошенько, да и напишите мне, есть ли такие хищ-ники хитрые и такая славная дичь?

ОТГАДКИ

— Здравствуйте, ребята! Не знаем, как вы, а мы по-ломали голову над загадка-ми нашего Завирушкина. Помните, что он нам про-шлый раз рассказывал? Будто бы попал он раз под... сухой дождь, будто бы видел... белую радугу и катался на лыжах... по чёрному снегу! Как хотите, а у нас после его рассказа в глазах разноцветные кру-ги пошли! Ну, думаем, уж на этот-то раз, уважаемый Завирушкин, мы вас пойма-ли, уж тут вам деваться некуда. Вывели мы вас на чистую воду! Где же это видно, чтобы дождь был... сухим, радуга... белой, а снег... чёрным?!

Позвонили ему по теле-фону, а он смеётся! Всё, говорит, до одного слова правда! И тут мы вспомни-ли, что и в самом деле

один раз летом видели бе-лую радугу! Утро было хо-лодное, туманное. И вот, когда туман стал подни-маться и редеть, в голу-бом просвете над головой мы увидели белую радугу! Настоящая радуга-дуга, только совсем белая! Ду-нул ветер, туман зашеве-лился, и радуга исчезла. Но она была и все её ви-дели.

Дальше — больше. Вспо-мнили мы и про сухой дождь. О нём рассказыва-ли нам путешественники по пустыне. В небе чёрные туч-ки, грохочет гром и свер-кает молния, из туч свеши-ваются космы дождя, а на землю не попадает ни ка-пельки! Воздух над пусты-ней бывает такой сухой и горячий, что дождинки ис-паряются, не долетев до земли! Вверху дождь льёт, а внизу сухо!

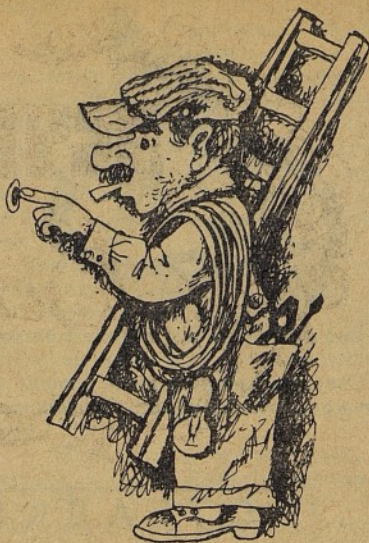
От путешественников слы-шали мы и про чёрный снег. Случаются иногда поздней осенью или ран-ней весной сильные пыль-ные бури. Вихри поднима-ют с земли тучи пыли, весь воздух насыщен частицами чёрной земли. И если в это время начнётся снегопад, то чёрная пыль осядет на сырые снежинки и окрасит их в чёрный цвет. И тогда землю покроеет не белое, а чёрное покрывало. Ко-нечно, такое совпадение случается очень редко.

Вот так, ребята. Не уда-лось нам и на этот раз по-ставить Завирушкина в туп-ик. И на этот раз он ока-зался прав!

Испорченный звонок

Не звонит звонок. И Жору
Мать послала за монтером:
— Позови его, сынок,
Пусть починит наш звонок!
— Хорошо, — ответил Жора, —
Я приду с монтером скоро. —
Но домой вернулся сын
Лишь под вечер, и один.
— Что, забыл ты про монтера?
— Не забыл, — ответил Жора. —
С ним я, мама, сговорился,
Он пошёл к нам в тот же час.
Может, он не дозвонился,
И решил, что нету
нас?!

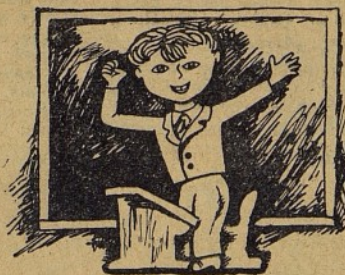

У Тараса трудный час

Отвечал урок Володя:
— Эта книжка... в общем...
вроде...
Так сказать... короче... ну...
Ну, про это... про войну!
Значит, так. Война с врагом.
Всё в дыму. Огонь кругом.
А Тарас... берёт он меч...
Едет в Сечь... И начал сечь...
В общем, в самый трудный час
С Бульбой встретился... Тарас!

Рис. А. Курушина

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПЕРЦОГА Велингоцкого

Рисунки В. Адаева

1.

Не знаю почему, но в тот год я вёл себя в школе недостаточно хорошо. Даже можно сказать — плохо. Не знаю, почему так получалось, но получалось, и тут уж ничего не поделаешь.

Сначала в школу ходила моя мама. Потом стал ходить мой дядя. И под конец получилось, что в нашей семье ходить в школу стало некому.

И тут я сказал, что пусть один раз сходит мой другой дядя, тоже мамин брат, который, в отличие от первого маминого брата, не жил с нами и не ходил ещё в школу.

— Ты знаешь, а он прав, — сказал мой первый дядя. — Это будет только справедливо. В конце концов мы все родственники, и ответственность поровну ложится на всех...

И хотя мама тоже заявила, что не снимает с себя всей ответственности, но признала,

что не видит ничего дурного, если на этот раз в школу сходит её второй брат — мой дядя № 2.

И вот я отправился к моему другому дяде уговаривать его сходить ко мне в школу.

Дядя № 2 был художником. И хотя он много работал, почему-то считалось, что он рисует не так, как нужно. Кто это сказал первым, сейчас выяснить трудно, но думаю, причину непризнания надо искать в другом: когда-то в детстве мой дядя попытался выменять своего младшего брата и теперешнюю мою маму на щенка. С тех пор в их дружной семье началось расслоение, и они по сей день ожидают от своего брата нового неблагоприятного поступка.

Кроме того, его критиковали ещё за непригодность к жизни. Хотя я считаю — это они непригодны к жизни: мой дядя № 2 мо-

жет, например, питаться одними консервами, а дядя № 1 без супа никак не может.

И потом, это уже моя глупая уверенность, неприспособленный к жизни человек не смог бы всю войну провоевать в пехоте. А дядя № 2 провоевал всю войну именно там. Тогда как другой мой дядя — в танковых частях. Что, вероятно, значительно легче.

И вот я пришёл к своему второму дяде в его мастерскую и увидел, как он разогревает на электрической плите тушонку, а на мольберте стоит почти законченная картина про цирк.

— Кого я вижу?! — сказал дядя. — Человек с тойловины... Что слышно в окопах противника?

Он всегда говорил о нашей семье военным языком.

Тут я доложил ему обстановку, сказал, что маме и его брату ходить в школу уже надоело и они говорят, что теперь пусть кто хочет, тот и ходит.

— Все вы, — сказал мой дядя, — в трудную минуту приходите ко мне. Но я на вас не обижаюсь, потому что, как справедливо заметил мой брат, я вам тоже родственник... Когда нужно идти в школу?

— Завтра, — сказал я.

И на завтра он действительно пришёл ко мне в школу.

Он разговаривал с нашей классной воспитательницей, и ей жутко понравилось, что все

её советы, что со мной делать, он тут же стал записывать на бумажку. И моя классная воспитательница даже пришла к твёрдому выводу, что в школу должен ходить именно мой дядя № 2, так как ни мама, ни мой дядя № 1 нужных и правильных мер по отношению ко мне не принимают.

— Они мягкие люди, — сказал дядя, — их не надо критиковать. А я человек крутой, и приму все надлежащие меры.

Тут классная воспитательница испугалась за меня и стала уговаривать дядю, чтобы он очень крутых мер по отношению ко мне не применял, потому что, в сущности, я человек не такой уж плохой или неисправимый, — будь её воля, она вообще бы меня не наказывала.

— То есть как это? — не понял дядя и посмотрел в свою бумажку.

И тут наша классная воспитательница объяснила ему, что всё зависит от педагогического опыта: если опыт большой, то всё идёт хорошо и наказывать никого не надо, а если опыт маленький...

— Хорошо, — сказал дядя, — если вы мне не советуете его наказывать, то я не буду. Я буду делать только то, что вы советуете.

— Да, — сказала она, — пожалуйста. Я первый год работаю, и они это понимают.

Тут они с дядей вспомнили своё детство, и дядя сказал, что для налаживания контакта со своими воспитанниками он бы обязательно сходил с

ними на лыжах, в кино, на рыбалку или там в тир.

— Ходили, — сказала она. — На рыбалку и в тир. И в Эрмитаж — тоже ходили.

Тут она рассказала, что произошло в Эрмитаже, когда нам показывали фигуру безголового мыслителя и экскурсовод спросил, как учёные догадались, что перед ними мыслитель.

— Я как чувствовала, что они скажут: «По выражению лица». И они это сказали...

Дядя засмеялся, и она тоже грустно засмеялась, и дядя стал говорить, что всё будет прекрасно и я, его племянник, ещё непременно стану тем благородным и умным человеком, каким хочет меня видеть моя классная воспитательница.

— Мы вдвоем это сделаем, — сказал дядя.

В общем, сразу после школы мы поехали с ним в зоопарк, и дядя, подведя меня к клетке с обезьянами, сказал:

— Вот так ты выглядишь на уроке.

А потом подвёл к площадке с молодняком и сказал:

— А так ты выглядишь на перемене.

Но потом он забыл, зачем мы сюда пришли, и весь остаток дня мы проходили с ним просто так, ни с кем меня не сравнивая. Это была чудесная прогулка, и мы гуляли бы долго, и дядя бы всё время рассказывал мне о своих планах, а я ему о своих, но тут я вспомнил, что мне надо делать

уроки, и сказал ему об этом.

— Ну да, конечно, — сказал дядя, — тебе надо делать уроки. Ты буквально на глазах начинаешь исправляться. Иди, мой друг, делать уроки. Ты должен понять, что всё это временное. Когда-нибудь тебе не придётся их делать...

— Потому что четвёртая четверть кончится? — догадался я.

— Нет, — сказал дядя. — Я говорю: вообще не придётся.

Эта дядина реплика почему-то так потрясла меня, что я даже остановился, осмысливая её.

«Ну конечно, — подумал я, — когда-нибудь мне действительно не придётся. Совсем, может, скоро. Надо только немножко потерпеть...»

И за спиной будто бы у меня сразу выросли крылья, и я совсем иными, просветлёнными глазами посмотрел на мир.

С того дня я с каким-то не испытываемым ранее удовольствием принялся исправлять «двойки».

В школе это, конечно, сразу заметили. И некоторые даже стали гадать, почему это происходит, а мой сосед слева, Тапрыгин, и мой сосед справа, Русалимский (тот самый Русалимский, который стал впоследствии знаменитым фокусником), даже забеспокоились, и тогда я объяснил им, почему это происходит.

Я сказал им, что всё это временное и когда-нибудь мы не будем делать уроки.

— Ну, это ещё когда будет, — разочарованно сказал Русалимский и с горя проглотил пинг-понговый шарик.

— Русалимский!.. — ахнула наша воспитательница.

Она все время ахала, хотя ей прекрасно было известно, что Русалимский собирается стать знаменитым фокусником.

— Я забылся, — сказал Русалимский.

И достал проглоченный шарик из уха.

А мой сосед слева, Тапрыгин, думал над дядиными словами всю физику и часть литературы. А потом сказал, что это ему не подходит.

2.

Однажды я пришёл в школу без двух пуговиц на пиджаке и классная воспитатель-

ница на большой перемене стала мне пришивать их.

— Почему ты за пуговицами не следишь? — спросила она.

— Мама пришла поздно с работы...

— Но ведь кто-то должен за твоими пуговицами следить?

Это была правда; но вместо ответа я пояснил ей, что она неправильно пришивает, потому что по правилам положено нитку взять в рот.

— Зачем? — спросила она.

— Иначе вы мне пришьёте память.

Тут она мне сказала, что это не правило, а предрассудки и глупо в них верить, но если я так настаиваю — она может взять нитку в рот.

— О, да у тебя жар, — сказала она. — Почему?

Я не стал объяснять ей, что купался вместе с Тапрыгиным и Русалимским в Неве и, возможно, после этого у меня повысилась несколько температура.

— У меня нет никакого жара, — сказал я. — Просто я всегда волнуюсь перед контрольными, даже если твёрдо знаю материал. А сейчас я знаю не очень твёрдо.

Но она всё равно повела меня к врачу.

— Это не от контрольной, — сказал врач. — Это типичная простуда.

Дня через три классная воспитательница пришла навещать меня.

Мой дядя № 1 усадил её в кресло, мама пошла за тор-

том, потому что оба они чувствовали перед моей классной воспитательницей некоторую вину: то, что они вдвоём не смогли со мной сделать, дядя № 2 за короткий срок сделал один.

— Я тебе контрольную принесла, — сказала учительница, но, увидев, как я обрадовался и готов хоть сейчас встать, чтобы выполнить её, замахала руками: — Нет, нет, лежи, выполнишь, когда поправишься...

Я сделал вид, что ужасно огорчён этой отсрочкой, но смирился и не стал немедленно выполнять контрольную.

— Просто и не знаю, что с ним делать, — озабоченно сказал мой дядя № 1, — всё учится и учится...

Но не договорил и пошёл на кухню проверять чай.

Тут моя классная руководительница посмотрела на меня и быстро спросила, может ли она задать мне один вопрос, который останется, она надеется, между нами, но на который я дам абсолютно искренний ответ.

— Можете, — сказал я. — Будьте спокойны. Всё останется между нами.

Тогда она, стесняясь, спросила, почему я вдруг исправился и о чём говорил со мной мой второй дядя до того самого момента, пока я не начал ещё исправляться.

Я понял, почему она это спрашивает: ей это было важно для практики.

— Он со мной говорил о разном, — сказал я. — Но од-

нажды он сказал, что всё временное и когда-нибудь мне не придётся делать уроки. Я подумал и понял, что он прав...

— Нет, — чуть помедлив, грустно сказала она, — он не прав.

А потом ещё подумала и сказала:

— Но если он не прав, то почему ты тогда исправился?

— Не знаю, — сказал я.

Некоторое время мы сидели молча, думая, почему я исправился. И в конце концов, наверное, мы бы это поняли, но тут пришла моя мама, стала резать торт, и все заговорили о педагогических талантах моего второго дяди и о том, что мне необычайно повезло, что у меня есть такая замечательная воспитательница, и все дети, рано или поздно, это оценят.

Тут мне дали торт — кусок с краю, где побольше крема, и мы некоторое время, все четверо, сосредоточенно и задумчиво пили чай.

И тут я сказал:

— Хвалили вы все моего второго дядю, хвалили, а торта не оставили. Я свой кусок не буду есть.

И я отодвинул торт от себя.

Классная воспитательница так и застыла над тортом с ложечкой, не зная, есть ей его или не есть.

— Не ешьте, — сказал я. — Они хотя и хвалили вам моего второго дядю, сами-то не очень его любят.

Тут мама посмотрела на меня и сказала моему дяде, что у меня, по-видимому, жар

и что надо предпринимать что-то в связи с этим.

— Почему не любят? — тихо спросила воспитательница.

— А потому что он питается одними консервами и рисует не так, — сказал я.

— Это вымысел! — сказала мама.

А мой дядя № 1 примирительно сказал:

— Это не вымысел, это неверная информация. Своего брата мы любим, несмотря на то что в детстве он хотел обменять нас на щенка. Просто у нашего брата занозистый и неуживчивый характер. А что касается его работы... то лично мне больше нравится Рубенс, и тут уж ничего не поделаешь... — Дядя вздохнул и укоризненно посмотрел на меня: — Но это не значит, что с тортом ты не прав...

«И зачем только я полез с этим разговором?» — подумал я.

Но тут моя классная воспитательница увидела картину — ту самую, про цирк, которую мне подарил мой дядя и которую, когда я принёс, они не соглашались вешать. «Что это за клоун, — говорил мой дядя № 1, — если никто над этим клоуном не смеётся?»

И я, хотя картина нравилась мне, тоже тогда засомневался: что это за клоун, который не может никого рассмешить?

Дело в том, что на картине был изображён не то Карандаш, не то Вяткин — в синем балахоне и с синим лицом,

хотя я тут же смекнул, что ни Карандаш, ни Вяткин в балахоне не выступают, и уж, конечно, лица у них не синие. И хотя клоун на картине, судя по всему, смешил зрителей, лица их оставались равнодушными — были даже жующие лица и спящие тоже. И ещё я сказал тогда своему дяде № 2, что клоун, вероятно, посинел от натуги, стараясь всех рассмешить.

— Вполне вероятно, — сказал дядя.

Будто бы и не он рисовал картину, и не мог знать, наверняка, что нарисовано на ней.

И я подумал тогда, признаюсь, о своём первом дяде: «Вот ведь не художник, а как разбирается в живописи!...»

Но картину всё-таки после споров повесил, потому что, во-первых, это был подарок, а во-вторых, несмотря ни на что, она мне почему-то всё-таки нравилась.

И вот теперь моя классная воспитательница нашла, что картина ей тоже жутко нравится, потому что чрезвычайно жизненна: другой раз из кожи вон лезешь, чтобы сделать людям что-то хорошее или важное, а люди остаются равнодушными, людям на твои старания начихать.

— Вы думаете? — спросил мой дядя и уже под новым углом понимания уставился на картину.

И мама перестала есть торт, и тоже уставилась.

И я.

И так мы втроем некоторое

время по-семейному разглядывали картину нашего родственника.

— Я, конечно, не очень разбираюсь в живописи, — виновато сказала моя воспитательница, — но здесь, мне почему-то кажется, художник хотел объяснить именно это.

— Но лицо-то у него синее? — не сразу сдаваясь, сказала мама.

— Это грим, — сказала моя учительница.

— Грим?

«Конечно же грим!» — радостно подумал я. — Как это я раньше не догадался!»

И дядя мой сказал, что не подумал об этом. И вполне вероятно, что это, может быть, грим.

— Но вы знаете, — сказал он, — хотя это, может быть, грим, я сторонник совершенно другой живописи. Вполне вероятно, что вам и моему племяннику эта картина нравится...

— Нравится, — сказал я.

— Но возьмите Рубенса, например. Куда ни глянешь — везде натуральное человеческое тело. И овощи. И фрукты. Да что там фрукты! Натуральное там абсолютно всё!

Тут они стали спорить про Рубенса, потому что, оказалось, моя мама его не любила, а мой дядя и моя учительница одобряли, хотя с различными оговорками и в неравной степени. И в конце концов про моего дядю № 2 они совершенно забыли.

А я от шума и усталости

уснул и так и не узнал, чем закончился этот искусствоведческий разговор.

3.

А через четыре дня моя картина пропала.

Я пришёл из школы домой и застал маму в дикой панике: она пересчитывала вещи и фамильное серебро, а мой дядя № 1 ел из консервной банки тушёнку.

— Перестань есть! — закричала на него моя мама. — Она, может быть, отравлена!

— Не думаю, — сказал дядя. — У неё вполне свежий вид.

Но есть перестал.

— Что случилось? — немного напуганный всем этим, спросил я.

— Нас обокрали, — сказала мама.

От страха у меня подкосились ноги, но я нашёл в себе силы броситься к письменному столу, где лежала моя коллекция старинных монет. Монеты были на месте. И тогда, немного успокоенный, я стал спрашивать, что у нас украли.

— Пока точно неизвестно, — сказала мама, — но уже ясно сейчас, что нет дядиной белой рубашки с запонками и цибика чая. А также твоей картины.

— Да, и картины тоже, — подтвердил дядя.

И тут только я заметил, что картины нет. В стене торчал одинокий тоненький гвоздик.

— Что же вы про самое

главное молчите?! — закричал я.

Но дядя успокоил меня.

— Думаю, — сказал он, — картину унесли для отвода глаз. На самом деле подбирались к моим носильным вещам. Но они все, к счастью, были на мне...

И он, довольный, что так всё хорошо для него кончилось, принялся доедать тушёнку¹.

— Серебро на месте, — доложила мама. — Но я настаиваю, Пётр, чтоб ты немедленно вызвал милицию.

— Зачем же милицию, если серебро на месте? — спросил дядя.

— А твоя рубашка с запонками?! А цирик чая?!

— А картина в конце концов?! — сказал я.

Тут мама вдруг ахнула и сказала, что не видит своего девичьего кольца.

— Да вот же оно, лежит перед тобой, — сказал дядя.

«Кому же понадобилась дядина рубашка, — тем временно обрадовал я, — картина и цирик чая?»

И тут у меня возникло жуткое предположение, что картину похитила моя классная воспитательница: пока все были на работе, а я в школе, она подобрала ключи, проникла к нам в дом и унесла с собой так полюбившуюся ей картину. Я даже зрительно представил себе, как всё это было, я только не мог представить, что

она сделала с рубашкой и цириком чая.

Но тут я сообразил, что видел воспитательницу весь день в школе и вряд ли она могла, даже если б схватила такси, добраться до нас и обратно за большую перемену. Да и картину не могла она пронести с собой в школу: иначе бы эту картину сразу заметили. Такие вещи в школе обязательно замечают: однажды наш физик пришёл в новых брюках, так это сразу все заметили.

«Нет, — подумал я, — она не станет брать. Она не полезет за картиной или за цириком чая. Она лучше попросит. А не дадут — тоже плакать не будет...»

Неожиданно дядя перестал есть, протянул мне газету и сказал:

— Читай. Ты ведь не читаешь газет, как и мама, а они нам дают возможность быть в курсе всех событий...

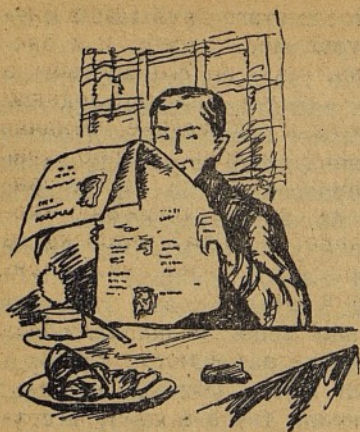
А потом пояснил, что на четвёртой странице, справа, есть сообщение о том, что из национальной галереи наших бывших союзников похищен герцог Веллингтонский, вернее, не сам герцог, а картина, потому что сам герцог давно умер.

Я заглянул в газету, на четвёртую страницу справа, и действительно увидел всё это.

— Ну, что ты на это скажешь? — торжествующе спросил дядя.

— Да, но ведь про нашу картину там ничего нету!..

¹ Только много спустя я понял: не тушёнку он доедал, которую не очень-то любил, а уничтожал улики.

— Вот именно, — сказал дядя. — Пока ничего нету. Но я не сомневаюсь, что это или жуткое совпадение, или это действует одна рука. Ты не прочитал абзац, где говорится, что грабитель или грабители предварительно ели в залах Британского музея тушёнку?

Действительно, этот абзац в газете я пропустил.

— Тут действует шайка, — всё сразу сопоставив и поняв, сказал я.

— Да, грабительский синдикат, — сказал дядя. — Но они нам за это дорого заплатят. Они думают, у нас то же, что в Британской галерее, но они жестоко заблуждаются...

— Ты думаешь, они ещё не успели переправить нашу картину за границу? — спросил я.

— У них есть только один путь, но он нерентабелен, — сказал дядя. — Им придётся резать картину на части и провозить её в виде стелек.

— Мы не должны этого допустить! — сказал я.

— В Англии уже действуют, наверное, частные и государственные детективы, — сказал дядя. — Они бесспорно размотают весь клубок.

— А мы? — спросил я.

— А нам остаётся сидеть и ждать. Иначе мы всё испортим.

Он накинул пиджак и ушёл на улицу покупать «Вечорку», а я остался дома, раздумывая, где бы нам раздобыть частного детектива, который бы с нашей территории принялся распутывать ниточку.

И тут я вспомнил про нашего соседа, дядю Пашу, который жил в нашем доме и до ухода на пенсию работал следователем. Говорили, будто дядя Паша распутывал когда-то такие жуткие дела, что все только ахали, а знаменитый Артур Конан-Дойль даже прислал дяде Паше свою фотографию. Сейчас дядя Паша

работал председателем товарищеского суда и жаловался на отсутствие настоящей работы.

4.

Толстенький и седенький, дядя Паша чрезвычайно оживился, когда я сообщил ему о происшествии, и тут же сказал, что это дело он берёт на себя и что мы с дядей не с того конца начали, по его мнению, распутывать клубок. И хотя частной практикой он не занимается, сделает это для нашей семьи в виде исключения. Нам же — моим дядям, маме и мне — надлежит заниматься своими обычными делами: работать, жить и не мешать дяде Паше, не задавать ему никаких вопросов и не давать никаких советов, а менее чем через неделю он сам скажет и объяснит нам всё.

После этого мы с дядей Пашей проследовали к нам. Дядя ещё не вернулся, и дядя Паша разговаривал с мамой.

Потом он осмотрел замок и гвоздь. Повертел в руках тушёнку. Вдохнул. Посмотрел на меня. На маму. Я всё ждал, когда он вытащит лупу или начнёт снимать отпечатки пальцев.

И тут пришел с «Вечоркой» дядя.

— А, — сказал он, — Павел Сергеевич! Я так и думал, что племянник не выдержит и в конце концов побежит к вам. Как вы всё это находите? Потрясающе, не правда ли?

Дядя Паша вежливо сказал, что да, потрясающе, и задал дяде несколько вопросов.

После этого дядя Паша снова увёл меня к себе, и я рассказал ему, по его просьбе, о том, как мы жили последнюю неделю и про всякие незначительные мелочи, и про учительницу тоже. А потом увидел на стене фотографию иностранного вида человека в шляпе и спросил, не Конан-Дойль ли это?

— Нет, — сказал дядя Паша, — это я в молодости.

Тут дядя Паша спросил, знает ли о пропаже мой другой дядя, и если не знает, то надо позвонить ему по телефону.

— Прямо от меня и звони, — сказал дядя Паша.

Я тут же позвонил своему дяде № 2.

— Дядя, нас обокрали. Вернее, не то чтобы обокрали, а некоторые незначительные вещи все-таки унесли...

— Что унесли? — встревожился дядя и, судя по голосу, приготовился услышать целый список.

— Рубашку с запонками и цибики чая, — сказал я.

Я бы добавил при этом некоторые детали, например, как мама пересчитывала фамильное серебро, но постеснялся Павла Сергеевича, который стоял рядом и одобряюще кивал мне головой.

— А больше ничего не унесли? — спросил дядя.

— А больше ничего.

Зачем ему говорить про картину, расстраивать, если Павел Сергеевич через неделю или раньше её найдёт?

— А картину-то, карти-

ну? — спросил дядя. — Разве её не унесли?

Он словно как бы чувствовал.

— Унесли, дядя, — сказал я. — Откуда ты это знаешь?

— Как откуда? — спросил дядя. — Они ведь из-за картины и приходили. Только слепой это не поймёт.

— Очень может быть, что из-за картины, — сказал я. — Только откуда они узнали, что она у нас висит?

— Ну мало ли откуда, — сказал дядя.

Тут я стал его спрашивать, кого он имеет в виду, когда говорит «они», и много ли, дядя полагает, «их» было, и все ли «они» связаны с герцогом Веллингтонским. Дядя Паша, например, считает, что нет.

— Какой дядя Паша? — спросил мой дядя.

— Вот он, — сказал я, — тут стоит. Это наш сосед.

Дядя Паша закивал, а мой дядя после некоторого раздумья спросил, при чем тут сосед.

— Он взялся найти эту картину, — сказал я.

— Что?! — ошарашенно спросил дядя.

Тут я объяснил ему, кто был дядя Паша в молодости, пока не вышел на пенсию, и какие знаменитые дела он распутывал,

— Ещё не легче, — сказал мой дядя.

— Дядя Паша просит передать тебе привет, — сказал я.

— И я ему передаю, — сказал дядя.

Тут дядя Паша взял у меня

телефонную трубку и попросил разрешения прийти к дяде в мастерскую, чтобы посмотреть наброски к исчезнувшей картине и, если есть фотография, взглянуть на фотографию, на которой запечатлён исчезнувший оригинал.

— Да, да, конечно... но стоит ли? — спросил мой дядя.

— Если вы хотите получить картину...

Дядя сказал:

— Хочу.

— Ну вот и всё, — повесив трубку, сказал дядя Паша. — На сегодня хватит. Мы с тобой славно поработали. Можешь идти домой.

— А отпечатки пальцев? — спросил я.

— Э-э-э... — сказал дядя Паша. — В данном случае они ни к чему.

5.

Прошла неделя. О картине все, кроме меня, стали пома-

леньку забывать, но я помнил и счёл своим долгом напомнить об этом дяде Паше.

Он сидел и наклеивал в альбом марки. Увидев меня, он даже не прервал своего занятия, словно я не по делу, а просто так к нему пришёл. Поэтому я не стал там спрашивать про его здоровье и что слышно в товарищеском суде, а просто напомнил ему, что прошла неделя и я хочу знать, что с картиной.

— Вы уже её нашли? — спросил я.

— Вот тебе письмо, — вместо ответа сказал дядя Паша и протянул мне конверт, который лежал у него на столе под марками. — Не вскрывай его пока: конверт запечатан. Думаю, через несколько дней ты увидишь свою картину.

— Целой и невредимой? — не очень веря, спросил я.

— Целой и невредимой, — сказал дядя Паша.

— А вы что, не могли её сейчас принести?

— Не мог, — сказал дядя Паша.

— Значит, она у нас в стране?

— Да, и даже у нас в Ленинграде.

— А герцог Веллингтонский?

— Он не имеет к нам никакого отношения.

Тут он увидел, что я ощупываю конверт, и сказал:

— Потерпи.

Я ушёл от него жутко растерянный, унося конверт и ничего толком не понимая.

А через три дня к нам при-

шёл мой второй дядя и сказал, чтоб я собирался, так как я ему очень нужен.

— Зачем? — спросил я.

— Узнаешь, — неопределённо сказал дядя.

Но тут вмешалась мама и потребовала, чтоб дядя объяснил, потому что она не может неизвестно куда под вечер отпускать ребёнка.

— Мы пойдём с ним есть пирожные, — сказал дядя.

Я стал собираться.

Тут они все трое усталились на гвоздик в стене, и мама сказала, что дядя Паша её надежд не оправдал, что, вероятно, в молодости он умел что-то, но теперь разучился. И показала нам совершенно новый замок, который она купила вместо прежнего.

— Ваш дядя Паша — старый чёрт, — неожиданно сказал мой второй дядя и перестал глядеть на гвоздик.

— Почему? — спросила мама.

Но ей не объяснили.

Тогда я сказал, что дядя Паша дал мне три дня назад запечатанное письмо и разрешил вскрыть, когда найдётся картина.

— А, блажен, кто верует, — сказала мама. — Я бы тебе тоже могла дать письмо и даже не требовать, чтоб ты когда-нибудь его вскрыл. А что там, в твоём письме?

— Надо прочитать, — сказал мой первый дядя.

Но я не согласился. Я им только позволил пощупать конверт. Дольше всех щупал мой второй дядя.

— Тоненькое письмо, — сказал он.

Тут мама неожиданно сделала заявление, которое неприятно поразило всех. Она сказала, что пусть мой дядя № 2 не думает, что если похитили его картину и до сих пор не нашли, то он рисует так, как нужно. Одно-единственное похищение ещё ни о чем не говорит.

— А сколько должно быть, по-твоему, похищений? — вспылил мой дядя.

Мама холодно ответила, что не знает и что признание на похищения не меряется.

Тогда мой дядя № 2 ещё больше вспылил и сказал:

— А чтобы получить признание в одной-единственной семье, одного похищения достаточно?

Мама отказалась отвечать на этот вопрос.

За неё ответил мой другой дядя.

— Достаточно, — сказал он. — Теперь для меня есть только три художника, картины которых я буду покупать: ты, Рубенс и автор этого герцога Веллингтонского... Как, чёрт возьми, его фамилия?

— Ты собрался? — спросил меня мой второй дядя. — Тогда идём.

Я пошёл за ним следом, нащупывая в кармане письмо и думая, когда же мне можно будет его открыть, а дядя № 1 тоже шёл за нами следом и всё время говорил, что хочет быть с нами, что за эти дни он так много для своего старшего

брата сделал, что мы просто обязаны взять его с собой.

— Возьмём его с собой, — сказал я.

Тут оба дяди уставились друг на друга и расхохотались, а я, ничего не понимая, удивлённо вертел головой и спрашивал:

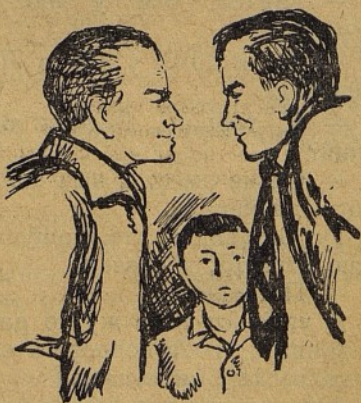
— В чём дело? Почему вы смеётесь? Что здесь смешного?

— Вот именно, — сказал мой первый дядя, — ни рубашки, ни цибука чая...

— Не говоря уж о картине, — сказал второй.

Мы взяли такси и куда-то поехали.

Но я ещё больше удивился, когда увидел, что мы подъехали к дому моей классной воспитательницы, и у меня даже мелькнула запоздалая мысль, что они привезли меня сюда, чтобы за что-нибудь ругать, и я стал думать, что такое нехорошее в последние дни я сделал, но ничего, кроме событий, связанных с пропажей картины, вспомнить не мог. А моя классная воспитатель-

ница, увидев меня, мягко сказала:

— Проходи, Лёша...

И я окончательно понял, что сейчас она им скажет, за что меня нужно ругать.

Я прошёл, и тут увидел на стене мою пропавшую картину.

И учительница, и мой первый дядя, и мой второй что-то говорили мне, но я ничего не слышал: я упорно смотрел на картину и думал: «Так вот, оказывается, куда привели следы! Всё-таки тут! Не ожидал я от вас этого, Марья Степановна! Да и кто ожидал?!»

Я подумал, что мог написать дядя Паша в своём письме?..

— Почему он так смотрит на картину? — спросила про меня моя воспитательница.

— Не знаю, — сказал мой первый дядя и пребольно наступил мне на ногу.

— Что вы наступаете? — сразу спросил я.

А мой второй дядя пояснил в это время моей учительнице, что я потому, мол, смотрю так на картину, что удивляюсь: до чего же копия похожа на оригинал.

— Какая копия? — спросил я. — Какой оригинал?

Но тут мой первый дядя ласково потрепал меня по голове, а потом снова наступил мне на ногу, и я уже окончательно перестал что-либо соображать.

Выходило, что у учительницы висит оригинал, а у нас — копия. Или — наоборот. Но у нас вообще ничего не висело!

— Как ты всё туго соображаешь, — сказал мне мой первый дядя.

Я ещё раз глянул на своего второго дядю и на учительницу и увидел, что они улыбаются. Стоят рядом и улыбаются. А дядя говорит:

— Лёша, знакомься, это моя жена.

— Он почему-то удивляется, — сказала моя учительница. — Разве вы ему ничего не говорили?

— Говорили, — уже начиная кое-что соображать, сказал я.

А прежде всего я сообразил, что в школе мне теперь будет значительно легче, потому что моя классная воспитательница неожиданно стала почти что моей тётёй. А потом уж я стал думать, каким это способом у неё оказалась моя картина.

Но тут мы снова сели в такси, и я вдруг впервые заметил,

что на моём дяде та самая пропавшая рубашка. Запонки его выдали.

— На тебе та самая рубашка? — спросил я.

— Та самая, — сказал он.

Я посмотрел на свою учительницу, потом на своего первого дядю, отыскивая теперь уже цибик чая, и спросил: куда мы на этот раз едем?

— К маме, — сказал мой второй дядя.

— К чьей маме? — спросил я, полагая, что у моей учительницы тоже есть мама, и в таких случаях родителей положено оповещать.

— К твоей маме, к нашей сестре, — сказал дядя. — Она ведь ничего не знает...

— А я думал, к её маме, — сказал я.

— У меня нет мамы, — сказала учительница.

Тут я, так и не увидев цибика чая, достал из кармана письмо и распечатал конверт. Дядя Паша Шерлок Холмс писал:

«Когда-нибудь они вернут тебе твою картину: я в этом не сомневаюсь. Но дело тут не только в картине, на которую ты уже успел наглядеться: ты стал свидетелем истории, в которой взрослые люди так смешно и странно шли к своему счастью. Если сочтёшь нужным, поздравь их от меня...»

А больше в этом письме ничего не было.

Я молча передал его дяде, а он, прочитав, так же молча передал своему младшему брату.

— Что вы на это скажете? — спросил я.

— Что об этом можно сказать? Он обо всём уже догадался в моей мастерской, — сказал дядя.

— Кто догадался? — спросила учительница.

— А, — сказал мой дядя и помахал рукой. — Так, пустяки...

Я подумал, как будет ей с моим дядей нелегко. И ещё подумал, как здорово работал этот дядя Паша, пока не вышел на пенсию, и, значит, правду про него говорят.

Тут мы подъехали к нашему дому и стали подниматься по лестнице.

— Нажимай, — сказал мой первый дядя.

И я нажал звонок.

А В ШКОЛЕ, к моему великому разочарованию и удивлению, никаких существенных изменений не произошло: меня по-прежнему чуть ли не ежедневно вызывали к доске и мне по-прежнему чуть ли не каждый день приходилось делать уроки. По этому поводу Русалимский сказал:

— А ты говорил, что она неплохая... Где же она хорошая?

Этот Русалимский многого не понимал.

МЕДВЕДЬ-МЕЧТАТЕЛЬ

Снег и снег. Луна и холод.
Волки спят. Вороны спят.
Ёлки в шубах из иголок
В тёплых валенках сидят.

Лес. Дремучие деревья.
Лишь луна мелькает.
А Медведь в берлоге дремлет
И чуть-чуть мечтает.

Что когда-нибудь, потом,
Он себе построит дом.

Дом отличный! Дом — что надо!
Из коробок мармелада!
Будет в комнатах паркет
Из серебряных конфет!

А из шоколадных плиток
Будут двери и калитки!
Вместо лампочек в гостиной
Он повесит апельсины!

Вместо зеркала для шкафа
Он приберёт зеркальных карпов!
А в шкафу, а в шкафу —
Двадцать пять медвежьих шуб!

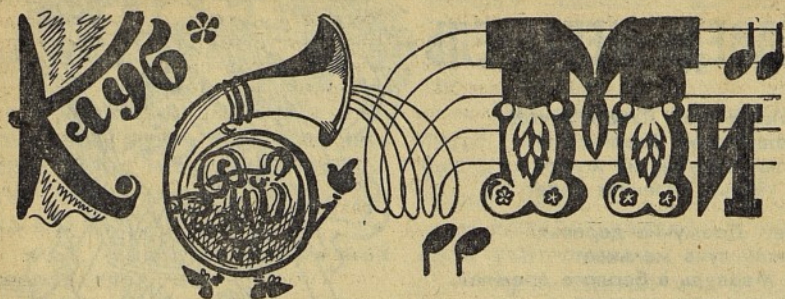
Он походит, помечтает,
Он «Мурзилку» почитает.
Съест прохладную окрошку
И с капустой пирожок,
Полюбуется: в окошке
Вьётся сахарный снежок,
На шоссе жужжат машины,
Воздух мутный, как свинец,
Звёзды — ягодки малины,
И луна — как леденец!

Выпьет мёду пять стаканов,
Улыбнётся, ляжет в ванну.
А над ванной — виноград,
В ванне — вкусный лимонад!

Солнце светлое блесит.
Белки бегают.
На деревьях снег висит
Лампочками белыми.

В красных шапочках бегут
Лыжницы-лисицы.
А Медведю на боку
Спится и не спится.

Головой Медведь мотает,
Лижет лапу и мечтает.

— Сегодня у нас парад ударных, — торжественно провозгласил Барабан. — Прошу участников парада представиться.

— Литавры! — ух-
нули три больших ин-
струмента, каждый из
которых был похож на
котёл. И хотя голос их
напоминал барабанный, все инстру-
менты услышали аккорд. Да, у этих
«барабанов» голос имел определённую
высоту и даже мог меняться с
помощью перестройки.

— Глётеншпиль, — нежно пропели блестящие металлические пластинки, лежавшие в небольшом ящике.

— Что?.. Как?.. — не поняли инструменты.

— Глѣк — колокол, шпиль — иг-
ра, — последовало объяснение.

— Так бы и сказали — «колокольчики», — свистнула Флейта.

— Ксилофон, — представился следующий инструмент. Он был похож на Глёкеншпиль, только пластины у него были деревянные. — Ксило — древесина, фоне — звук, — тут же расшифровал он своё оригинальное имя.

Затем раздался колокольный звон. Так представились Колокола, впрочем, мало похожие на настоящие. Множество разных трубок висело на перекладине, словно гребешок, повернутый зубьями вниз.

— Бубен, — лихо
тряхнув металлически-
ми побрякушками, представился не-
пременный участник тарантелл и цы-
ганских плясок.

— Треугольник, — острым звоном прозвучал голос, словно серебряная монетка упала на каменную плиту.

— Кастаньеты, — раздалась такая дробь, что ни один чечёточник не смог бы выбить. — Кста-та-та-ти, наше имя не просто звукоподражание. Кастаньеты — означает «каштанчики». По-испански. — И ещё раз чётко щёлкнув своими чёрными щёчками, Кастаньеты уступили место следующему инструменту.

— Бам-м-м, чш-ш-ш... — поплыло в воздухе.

И долго ещё стелился, как дым, звук Тарелок. Таинственных Тарелок, которые попали к нам из Турции, где звучат они так, как ни в одной из стран. Тщательно оберегают

тайну звучащих сплавов мастера Восточка.

— Ух-х-х! — мрачно высказался Гонг глухим и зловещим голосом.

Он долго ещё качался после удара на своей перекладине, огромный, круглый, как великанская тарелка.

Потом, как команда, раздался призывный треск маленького Барабанчика — и началось. Все ударные зазвучали разом. Что за музыка! Звон, треск, шипенье, гул...

— Ну как? — спросил довольный Барабан.

— Внушительно, но не очень музыкально, — прогудел Орган. — Вы не обижайтесь, друзья. Мы очень ценим вас. Ведь вы вносите в оркестр исключительные звуковые краски. Вы необыкновенно ритмичны, и ни один из нас не сравнится с вами в этом. Итак, мы слушаем вас.

— Мы самые древние инструменты, — важно провозгласил Барабан. — Первым в мире ударным инструментом был...

Тут Барабан сделал эффектную паузу, и тотчас посыпались предположения:

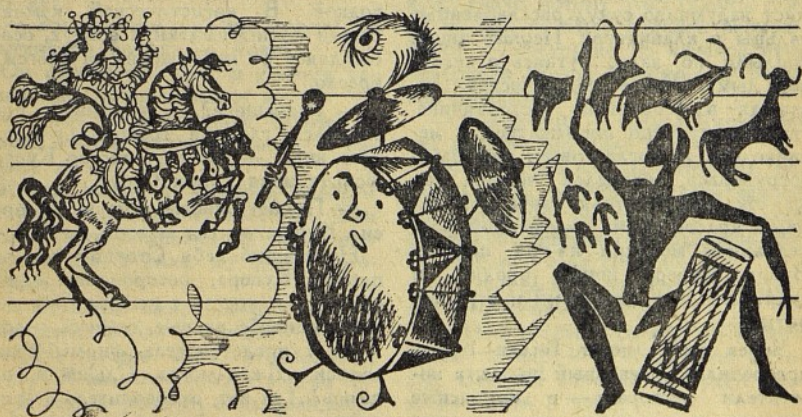
— Ствол дерева... бивень мамонта... простой камень...

Барабан спокойно выждал и сказал:

— Первым в мире ударным инструментом был... человек. Да, пред-

ставьте себе. Хлопок в ладоши, удары ладонями по телу — вот первые звуки, которые натолкнули первобытного человека на создание ударных инструментов. И между прочим, — гордо продолжал он, — мы, ударные, и сейчас самое многочисленное племя музыкальных инструментов. Даже в симфоническом оркестре после многолетнего отбора наша группа представлена десятком разных инструментов.

Когда-то тимпаны — предки барабанов и литавр — были весьма почитаемым инструментом. В некоторых странах тимпаны, похожие на современные литавры, были признаком родовитости и богатства. Обладателями литавр были дворяне, чьё достоинство было не ниже барона. Правда, если инструмент был добыт в бою, то храбрецу в виде исключения разрешалось оставлять себе драгоценную реликвию — символ мужества и отваги. Ведь добыть литавры было не так просто. В старину, наряду с полковой трубой, литавры считались позором, а потому литавристов, как и трубачей, очень оберегали. А они в одном ряду с копьеносцами шли в атаку. Острия мечей у них были сломаны — это указывало на то, что хотя литаврист и боец, но его оружие — музыкальный инструмент.

Тимпаны когда-то были большие и маленькие. Большие со временем превратились в литавры, а маленькие — в обыкновенный Бубен.

— А какую страну вы называли бы родиной ударных? — деловито спросил Альт.

— Всю планету, — с невообразимой гордостью отвечал Барабан. — Но всё же настоящим цар-

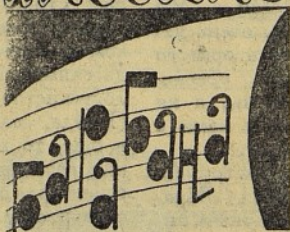
ством ударных и по сей день является Африка. Тысячи лет искусство африканских музыкантов-ударников не знает себе равных. Я хочу рассказать вам одну историю, которую мне довелось услышать от моего коллеги. Он живёт в другой стране и работает в джазе. Вы ведь знаете, что ни один джаз не обходится без ударного инструмента. Вот эта история.

РАССКАЗ

— А сейчас, уважаемые господа, перед вами выступит лучший ударник вселенной, чудо двадцатого века — Вилли Купер! — выходя на эстраду небольшого рестораника, рывкнул в микрофон красавец в исключительно белом костюме. — За время выступления Вилли Купер теряет в весе столько же, сколько бегун на десятикилометровой дистанции.

На эстраду вышли три музыканта. Один сел к роялю, второй нежно обнял контрабас, а третий, с яркорыжей шевелюрой, — это и был Вилли Купер — императорски взгромоздился на паршивенький ободраный стульчик, затерявшийся среди сверкающих тысячедолларовым великолепием ударных установок. Пианист задумчиво сунул расслабленные пальцы в клавиатуру. Первые звуки поплыли по залу, путаясь в сигарном дыму. Часть человечества, сидевшая в небольшом ресторанике, стала постепенно погружаться в меланхолию. А когда совсем уже было погружилась, раздался чёткий, как щелчок выключателя, звук. И попереёк вялого ритма изнеженной фортепианной мелодии из-под палочек Вилли Купера пошёл бродить и гулять по залу мятежный и нервный ритм.

Через пять минут Вилли Купер превратился в северный полюс, а посетители ресторана — в компасные стрелки, повернувшие свои красные

носы в сторону этого полюса. Головы, руки и ноги слушателей стали жить отдельной жизнью, независимо от их хозяев. Началось небольшое землетрясение — дрожали столы, люстры, жареные цыплята в тарелках, отражения в зеркалах.

Вскоре весь зал был наэлектризован и разряды в виде выкриков, топанья, хлопанья стали заглушать ритм ударных. А сам Купер был спокоен, как японец за трапезой, невозмутимо забрасывающий в рот заострёнными палочками зёрнышки риса. Только взгляд его был напряжён и лоб покрылся испариной.

Когда соло его кончилось, под ресторанные крики восторга он ответил поклон и удалился развязной походкой. В артистической комнате Вилли шумно выдохнул воздух, освобождаясь от напряжения, и улёгся в кресло.

— Разрешите? — в комнату протиснулся гладкий господин уверенного вида. — Привет, мистер Купер! Зовите меня Гарри Стоун.

— Привет, мистер Стоун, — бросил Купер. — Вы можете сесть.

Назвавший себя Стоуном сел напротив Купера, неторопливо зажёл сигарету и вместе с выдохнутым дымом произнёс первые деловые слова:

— Я представитель фирмы грамзаписи «Джаз-люкс». Слышали, надеюсь? Так вот, руководитель фирмы сейчас набирает большой состав. Нам

необходим свой оркестр. Мне поручено искать людей в ритм-группу. Вы подходите. Если я предложу вам пустой чек, какую сумму вы хотели бы вписать в него?

Купер подумал и назвал. Стоун поджал губы.

— Такие деньги я мог бы предложить двум господам Куперам.

— А я и предлагаю свои условия в расчёте на двоих, — ответил Купер и крякнул: — Джесси!

Вошла девочка лет двенадцати. Она подошла к Куперу и встала рядом с ним. Они были неповторимы в своей непохожести — огромный рыжий Купер и миниатюрная негритянка с чёрной, как нетронутый лист копировальной бумаги, кожей.

— Сестра? — спросил Стоун.

— Брат! — сердито ответил лучший ударник вселенной. — По линии двоюродной бабушки. И вообще, мистер Стоун, если бы мне так же хотелось слушать ваши дурацкие шутки, как вам их придумывать, я, пожалуй, ещё минут пять терпел бы вас... Вы всё сказали?

— Бросьте обижаться, Купер, — ответил Стоун с обаятельной улыбкой. — Люди мы деловые. Девчонка, возможно, очень забавна и мила, но с какой стати наша фирма должна ради одного ударника вносить в суммы расходов ещё и статью под названием... э-э-э... «Джесси», кажется, так вы её назвали? Или это она сегодня импровизировала, а не вы? А?

— Вы думаете, она не может? — усмехнулся Купер. — Лови!

Он бросил палочки, и Джесси неожиданно ловко поймала их.

— Ого! — восхитился Стоун. — Цирк? Ничем не могу помочь. Я набираю джаз.

Купер встал и поманил пальцем Стоуна в соседнюю комнату. Там стояла ритм-установка, не такая шикарная, как в зале, но весьма приличная.

— Сегодня импровизация ничего себе была. Верно я говорю?

— Не нужно меня уговаривать, Купер. Я кое-что смыслю в этом деле. Я ведь музыкант, а не брандмейстер. Иначе мне не поручили бы на-

бирать состав. А чтобы у вас не было сомнений в моей осведомлённости, доложу вам, что я сам десяток лет провёл за ритм-установкой.

— О! Прекрасно! — обрадовался Купер. — Видите магнитофон? Каждую свою импровизацию я записываю на плёнку. — Он прищурил глаз, оценивая толщину бобины. — Сегодня соло было минут на семь. Вы можете сейчас повторить хотя бы два такта из него?

— С божьей помощью минутку в своей памяти я наскребу из вашего семиминутного выступления.

— Прошу! Джесси, палочки мистру Стоуну.

Девочка протянула палочки Стоуну. Тот достал чистый носовой платок и, выразительно глянув на чёрные руки Джесси, тщательно вытер палочки. Затем сел к установке, на секунду задумался и сыграл несколько колен.

— Правильно, Джесси? — спросил Купер.

— Не совсем, — с сильным акцентом ответила девочка и протянула руки к палочкам. — Разрешите, мистер.

— Вот так, мистер, — сказала она и сыграла те же фразы.

— Ну а теперь, Джесси, всю импровизацию. Только попрошу точно так же, как я, — повелительно сказал Купер и включил один из двух магнитофонов, стоявших в комнате.

Джесси начала играть. Стоун закрыл глаза, потому что слушать, глядя на неё, не было никакой возможности — настолько не вязался этот фейерверк звуков и ритмов с образом создающей их...

— Проверим, — сказал Купер, когда девочка опустила палочки.

Он включил оба магнитофона. На одном была запись его собственной импровизации, на другом — только что закончившееся соло Джесси. Всё до единого удара совпало.

— Откуда этот чертёнок? — спросил потрясённый Стоун.

— Погуляй-ка, Джесси, — строго сказал Купер. — Сегодня ты молодец. Вечером занятий не будет. Можешь пойти в кино.

Девочка вышла.

— Так вот, мистер Стоун, — сказал Купер, проводив её взглядом, — нам с вами не снилось вытворить что-либо подобное. Не так ли? Скажите, вам никогда не доводилось бывать в Африке? Нет? А я провёл там некоторое время несколько лет назад. Отбывал воинскую службу. Не буду рассказывать, за каким чёртом нас понесло в Африку. Достаточно вам знать, что ни один из членов нашей экспедиции не был одет в национальную военную форму, хотя даже проводник-африканец был сержантом нашей армии. Короче, нам нужно было там найти то, чего никто из нас не терял. Вот всё, что я могу вам сказать. Вся наша экспедиция была оформлена, как сафари¹. Мы проболтались на этом очаровательном континенте три месяца. Семь человек из десяти уже не смогут рассказать о своих впечатлениях. Как вы поняли, они нашли совсем не то, что искали. У одного из оставшихся в живых к концу экспедиции сдали нервы и однажды он решил доказать своё преимущество перед местными жителями с помощью оружия. Поэтому последние дни нашей экспедиции мы, можно сказать, удирали. Вот тогда-то я впервые услышал

звуки тамтамов. Вы знаете, наверное, что африканцы передают сообщения двояким способом: либо с помощью особой трубы, выдолбленной из слоновьего бивня, либо с помощью тамтамов. Так вот, видимо, тамтамовый «разговор» шёл о нас, и нужно думать, африканцы завели его не для того, чтобы простучать нам комплименты на всю Африку. Сообщения с помощью тамтама пролетают за день несколько сот километров, и нас встречали не очень дружелюбно. А тут ещё меня прихватила болезнь. Нет, не экзотическая какая-нибудь лихорадка или сонная. Я поранил ногу и начался воспалительный процесс. Вы, наверное, догадываетесь, что в джунглях больниц меньше, чем, скажем, в Лондоне или в Нью-Йорке. Мне было не дойти до базы. Нужен был вертолёт. Вот тогда-то меня и спасла эта девчонка. Имени её настоящего я не знаю, да и не нужно мне это было. Мы наткнулись на небольшое поселение, в котором о нас знали всё, что передал им болливый тамтам. Нас не тронули, но и не подпускали близко. Даже проводник-африканец не смог задобрить своих соотечественников. И тогда нам подвернулась Джесси. Она была наиболее смелой среди ребятни, которая постоянно вертелась вокруг

¹ Охотничий караван в джунглях.

нас. Мы сделали ей подарки и попросили указать нам тамтамщика. Это у африканцев фигура почётная. Он один знает язык тамтама и передаёт его тайну по наследству. И что же выяснилось? Оказывается, девочка из семьи тамтамщика, но его самого уже нет на свете. А африканский господин бог, даровавший ему наследника, которому по традиции передаются все тайны барабанной речи, оказался очень похожим на нашего бога. Он не уберёт и брата Джесси. Но когда отец обучал сына тайнам ремесла, девочку, оказывается, не теряла времени зря. У каждого народа есть свои гении, даже если этот народ находится ещё только на подступах к тому, что мы называем нашей цивилизацией. Так вот Джесси — гений. Ей, чтобы запомнить что-нибудь, не нужно было слушать дважды. В её памяти остался весь шифр тамтамовой речи, хотя она не придавала этому ни малейшего значения.

Мне было очень худо, но пришлось брать у неё уроки, когда все мужчины были на охоте. Силёнок у неё было маловато и сама она не могла передать то, что требовалось. Господи, до чего я казался себе тупым и тугоухим! Я думал, что точно повторяю все звуки, ударяя по длинному выдолбленному стволу с прорезью то в одном, то в другом месте. Я не слышал разницы между ними. А она, оказывается, слышала в них что-то вроде мелодии. Это противоречит законам физики. Стук есть стук, а не музыка. Но... В общем, Джесси физику не изучала, а потому лучше с ней не спорить по этому поводу. Она слышит, а мы — нет.

— Ну и что же дальше? — нетерпеливо перебил Стоун.

— Дальше всё было на редкость чётко. В один из дней я, почти теряя сознание от боли, всё же простучал нечто, как учила Джесси. Приходилось ей доверять. И через день вертолёт прилетел. Впечатление на обитателей джунглей он произвёл потрясающее. Пока врач обкалывала мою ногу со всех сторон и все жители посёлка находились в панике по поводу появления жуткого чудови-

ща-вертолёта, мне пришла в голову гениальная идея. Я подговорил ребят, и мы просто-напросто засунули девочку в вертолёт...

— Да зачем она вам понадобилась, хоть трижды гениальная? — недоумевающе спросил Стоун.

— Хм, сейчас вы не хотите написать мне чек на жалкую сумму, а через год-другой почтёте честью любое мое предложение.

— Какое же предложение? — насмешливо спросил Стоун. — Только, отвечая, не забывайте, что в ресторане за квартал сидит Чарли Кинг, который палочками тоже не пыль из ковра выбивает.

— Ну-ну, — усмехнулся Купер. — А я не пожалел труда на эту черно-мазенькую, и через пару лет она у меня заиграет на всех музыкальных инструментах. Человек-джаз! С помощью звукозаписей на одну и ту же плёнку она одна сможет... Ага! Уловили!

— Сколько? — побледнев от волнения, почти прошептал Стоун.

— Ну зачем же так сразу? — иронически спросил Купер. — Она же мне, как родная сестричка, дорога. И мне самому не жаль потратить на неё сотню-другую долларов. К тому же она очень мало ест и снашивает в год не более двух пар ботинок.

— Вот и вся история, — закончил рассказ Барабан.

— И нужно сказать, возмутительная! — рявкнул Тромбон.

К сожалению, инструменты ничем помочь не могли девочке, попавшей в руки дельцов, а потому снова вспомнили о тайне тамтамов.

— Так в чём же она? — стали допытываться они у Барабана.

— Всё очень просто и в то же время сложно. Давайте-ка вспомним, что «говорят» капли дождя, падая на крышу.

— «Кап-кап», — воскликнул кто-то из догадливых.

— А кукушка?

— «Ку-ку», — послышался ответ.

— А копыта лошади на мостовой?

— «Чок-чок»...

— А что всё это значит? — спросил Барабан. — Не знаете? И я не знаю. Может, это означает «с добрым утром!» или «какая славная погода нынче!». Вот и в ударах тамтама ухо африканца слышит своеобразные «кап-кап», «чок-чок» и так далее. Но лишь посвящённые знают, что означают тамтамовые слова.

— Неужели нельзя выучить этот хитрый язык?

— Нет. Наш с вами слух не идёт ни в какое сравнение со слухом любого из жителей Африки. В двух одинаковых на наш слух ударах они

слышат такую же разницу, какую слышим мы, сравнивая гудок автомобиля с пением флейты. Кстати, и ухо хорошего музыканта-ударника различает больше сотни разных ударов-штрихов, как тренированный глаз художника различает десятки оттенков одного-единственного цвета. Любой человек может воспитать в себе такое умение слышать и видеть.

— Мы благодарим вас за рассказ, — молвил Орган. — Думаю, что никто не станет возражать против принятия всей группы ударных в наш музыкальный клуб.

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

(К фотографиям на 2-й и 3-й страницах обложки)

«В РАЙОНЕ острова Н наблюдается необычное оживление...» Так, вероятно, дошёл бы своему командованию разведчик 7 сентября 1969 года, если бы дело происходило в военное время или во время манёвров.

Но, конечно, не было никакой войны. Хотя остров «Безымянный», расположенный в дельте Невы, похоже, и брали приступом. С севера и с юга к этому маленькому клочку суши двигался десант. Шли катера, яхты, шлюпки. К переправе на Большой земле приближались пешие отряды и «моторизованные» — на автобусах.

Первым пристал к «Безымянному» катер. Двое мальчишек побежали по качающемуся бону...

— Кто идёт? Пароль!

Мальчишки остановились с разбегу. Из зелёных зарослей, спускающихся прямо к воде, к ним прыгнули двое неизвестных. Один был похож на Робинзона Крузо: через плечо — шкура молодого козлёнка, вокруг бёдер — повязка из листьев, в руке — острога.

Спутница Робинзона тоже имела воинственный вид. Оба островитянина стояли на узких сходнях, преграждая приехавшим дорогу на остров.

Наверное, ты, читатель, опешил бы от неожиданности. А двое ребят улыбнулись «дикарям»:

— Здорово, Робинзон! Здорово, Пятница! Пароль — «Друг газеты».

— Добро пожаловать, — сказал, тоже улыбнувшись, Робинзон, и отвёл с пути друзей газеты острогу — палку с насаженной на конце вилкой. — Добро пожаловать на остров «Л. И.»!

Сзади уже толпились другие ребята с катера. Робинзон и Пятница двинулись им навстречу. Но тот из мальчишек, кто высадился первым, придержал Робинзона за козлиную шкуру и тихонько сказал:

— А где же Шарик?

Шумели волны. Раскачивались под ветром деревья в островных зарослях. Оглушительно хлопнула, взлетая где-то недалеко, синяя ракета.

Чуть-чуть позже я расскажу том, что происходило на острове «Л. И.». Но

прежде нужно вернуться немного назад и поведать историю этого острова. Пожалуй, следует вспомнить не только историю, но предысторию события, состоявшегося здесь 7 сентября. Без этого трудно будет понять, что здесь произошло.

Осенью нынешнего года газете ленинградских пионеров «Ленинские искры» исполнилось 45 лет. Сорок пять — солидный возраст? Для человека — да. И то не очень. А «Ленинским искрам» возраст не страшен. Годы газету не старят. Чем дольше живёт она — тем даже лучше. Ведь всегда можно обернуться и посмотреть назад: а ну-ка, как действовали деткоры раньше? Какие выдумывали дела? Может быть, что-нибудь из их опыта пригодится и сегодня?

Конечно, никто в редакции не переписывает старые заметки. Это чепуха. Но главное остаётся: всегда писать о самом важном, самом интересном в жизни пионеров. Помогать им расти настоящими ленинцами.

Об этом «Ленинские искры» никогда не забывали. И деткоры — тоже. Со страниц газеты шагнули многие большие пионерские дела и начинания. О них знаешь ты. О них помнят твои родители, дедушки и бабушки. Ликбез. Участие в коллективизации. Помощь фронту. Движение красных следопытов. Эстафета РВС. Пионерстрой... Трудно всё перечислить!

К 45-летию газета решила вспомнить о славных делах ленинградских ребят. И дала своим друзьям задания. Конечно, не только «исторические». Нужно было сообщать, чем ты, пионер, занимаешься сейчас: как помогаешь старшим, какие книжки прочёл, какие успехи одержал в спорте...

Все эти задания были помещены летом на фоне большой карты таинственного острова. И сообщалось: тот, кто будет активен, — получит звание «Друг газеты» и в день её рождения поедет на остров «Л. И.».

Вот почему триста с лишним ребят, самых лучших, самых энергичных друзей газеты (их заметки и сообщения печатались в течение всех каникул), ранним сентябрьским утром плыли на катерах, яхтах и шлюпках к одному из островов в устье

Невы. Для них в этот день шумели волны, летели в небо синие ракеты, именно их встречали на берегу Робинзон и Пятница.

НЕ ЗНАВШИХ пароля на остров не пропускали. Но таких и не было. Каждый заблаговременно получил шифровку почтой. (Впрочем, беда едва не случилась с редактором газеты. Редактор забыл пароль в суматохе переправы и не смог сразу ответить на вопрос воинственного Робинзона. В конце концов всё обошлось благополучно.)

И начался длинный, полный весёлых хлопот день. Ещё при посадке, на набережной Красного Флота, сформировались сводные отряды: следопытов, Робинзонов, деткоров, юннатов, делегатов пионерского схода «У околицы», самых почётных гостей — пионеров-ветеранов.

Во главе отрядов встали старые и верные друзья «Ленинских искр» — члены Коммуны юных фрунзенцев. Каждый отряд получил палатку. Кто быстрее её поставит? Кто красивей оформит «жилищ»? Кто лучше всех подготовит отрядный сюрприз к торжественной линейке и сюрприз к костру? Посмотрим, посмотрим...

По острову ходит комендант с огромным ключом на груди, Робинзон со своей острой, деткор, писавший в «Ленинские искры» ещё в 20-х годах... Обходит полянки и самый маленький участник праздника, ростом с казачью шашку — реликвия, отысканная следопытами, — шашку он еле тащит в руках!.. Все они — члены жюри. Вообще-то жюри никто не выбирал, «судья» — каждый.

На второй и третьей страницах обложки сегодняшнего номера журнала вы увидите фотографии, сделанные во время праздника. Рассмотрите снимки внимательно. Вот двое бородачей, похожие на кубинцев, передают пионеру знамя. «Бородачи» — братья Егоровы, Георгий и Сергей. Оба студенты, учатся в Ленинградском кораблестроительном институте. Остров «Л. И.» на самом деле зовётся островом «Безымянным», здесь находится база яхт-клуба ЛКИ.

«Корабелы» оказались очень гостеприимными хозяевами. Они готовили остров к празднику вместе с отрядом Пионерстроя. Им понравилось, как трудятся ребята, и вот на линейке братья Егоровы торжественно вручили пионербоецам знамя студенческого строительного отряда «Лесной», отлично поработавшего нынче летом в Ленинградской области.

А вот Робинзон и Пятница. Это не простой Робинзон и не простая Пятница! Это — герои повести «Ленинских искр» «Новый Робинзон или $2 \times 2 = 121$ ». Повесть печаталась всё лето, и читатели газеты внимательно следили за приключениями школьника Ложкина (назвавшего себя в честь героя Даниэля Дефо) и пионерской активистки Иры Пятницы. 7 сентября герои повести «ожили» и встречали друзей газеты у причала.

Павлик Херувимов и Лена Торбанц — воспитанники Выборгского Дворца пионеров. Они оказались так похожи на персонажей повести, что ребята приняли их всерьёз и всё время (помните встречу на боне?) спрашивали про Шарика. Шариком звали бегемота, который попал на необитаемый остров вместе с Робинзоном — Ложкиным и Пятницей. Очень жаль, что ни один из отрядов не догадался притащить на остров бегемота. Вот был бы сюрприз!

А вообще-то сюрпризов оказалось немало. Все они ребятам понравились. Как живо встал на поляне возле палатки отряда «Дрозд» Деткор-островитянин. Найдите его на снимке. Памятник этот был открыт в торжественной обстановке — как говорили в старину, «при большом стечении публики».

Ещё были соревнования яхт на приз «Ленинских искр». Первое место заняла Надя Гринберг, хозяйка яхты «Дюймовочка». Пока шли эти состязания, ребята из области возле своей палатки согрели самовар и звали пионербоец-ветеранов на чай. Тут же, на скатерти-самобранке, ребята разложили свежие бублики. Не было отбоя от желающих! Но угощение пришлось сперва заработать: спеть частушку или народную песню. К самовару бежалось чуть ли не всё население острова...

Вспыхнул костёр. Следопыты рассказали о героях праздника. Очень много оказалось здесь интересных, заслуженных людей — и взрослых, и маленьких. Потом все прослушали выступления, которые подготовили сами ребята. А под конец было «посвящение в деткоры». И тот, кто заслужил это почётное звание, получил специально изготовленный к этому дню значок.

«Пусть такой праздник проходит в день рождения газеты каждый год!» — эти слова сейчас очень часто встречаются в письмах, которые приносит почтальон в «Ленинские искры».

В. БЕЛОВА

Нет хищника более коварного и жестокого, чем крокодил. Однако в маленькой деревушке Пага, на севере западноафриканской страны Ганы, живут добрые крокодилы, которые даже любят играть с детьми. Если мальчишке из Паги захотелось покататься, он бежит к пруду в центре деревни и весёлыми криками вызывает из воды крокодила.

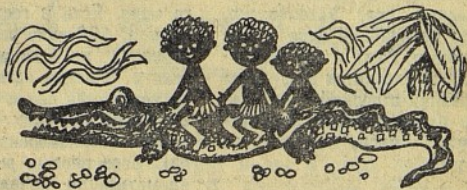
Жители Паги рассказывают, что в давние времена охотник, случайно оказавшийся в этих местах, никак не мог найти воды, чтобы напиться. Он

ДРУЖАТ С... КРОКОДИЛАМИ!

уже потерял всякую надежду, как вдруг заметил в зарослях ползущего крокодила. «Значит, вода близко», — подумал охотник и осторожно пошёл за хищником, который и вывел его к пруду. Это место так понравилось охотнику, что он построил себе дом. Вскоре на берегу пруда появ-

вилась деревушка Пага. В знак благодарности к крокодилу охотник запретил всем жителям деревни убивать крокодилов, регулярно подкармливал их и завещал беречь их.

С тех пор каждый вождь деревни считается хранителем крокодилов. Жители кормят животных, которые уже больше сотни лет живут в большой дружбе с людьми.

КОМАР В... АНТАРКТИДЕ

Полярники обсерватории Мирного обедали, и вдруг неизвестно откуда появился... комар! Он с писком летал над их головами, напоминая о далёкой Большой земле. Это первый случай появления комара на шестом континенте.

Как же комар попал на ледяной ма-

терик? Учёные считают, что наиболее реально представитель обширного комариного семейства проделал путешествие к Мирному на дизель - электроходе «Обь», а затем в летнюю пору перелетел в Мирный, где и оказался в тёплом помещении на виду у людей.

КАК РАСТУТ РАКИ?

Тело рака заковано в твёрдый панцирь. Как же он растёт? Периодически рак линяет и некоторое время обходится без своей «брони». В этот период он усиленно растёт. Потом снова покрывается панцирем, но уже «скроенным на вырост».

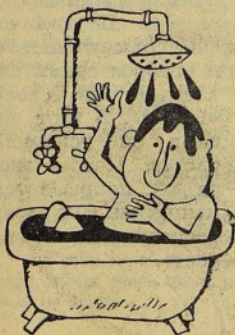
...в Англии начат выпуск швейных машин, которые не надо заправлять нитками? Вместо иглы у них стержни, кончики которых могут колебаться с ультразвуковой частотой. Необычная игла как бы сваривает материал с подложенным внизу куском. На ультразвуковой машине можно «сшивать» синтетику, шерсть, хлопчатобумажные ткани и даже бумагу.

...при прокладке подземных туннелей и других работах, проводимых в Риме, часто возникают неожиданности? Находятся развалины античных построек, предметы быта древних римлян, саркофаги и урны старинных погребений, пролежавших в земле не одну тысячу лет. Установлено, что по крайней мере в 650 пунктах Рима и его окрестностей находятся развалины древних строений — от стен до целых городов, воздвигнутых много тысяч лет назад.

...нефть, месторождение которой находится близ азербайджанского города Кировабада, имеет целебные свойства? Она помогает лечиться от ревматизма, воспалительных процессов, а также ожогов, обморожений.

...в Севастополе открылся аквариум? Под высоким куполом — частичка Чёрного моря диаметром около 10 метров, глубиной — до 2,5 метра. В бассейне до 50 видов обитателей Чёрного моря. Есть и гости, например, 100-килограммовая черепаха из Индийского океана. В новом «доме» рыбы ведут себя как и в естественных условиях. Даже натран (черноморская акула) после первых дней акклиматизации начала проявлять замашки хищника.

...на Галичьей горе в Липецкой области есть необычный заповедник? Здесь сохранились растения, которые появились миллионы лет назад. Сейчас в заповеднике более 600 редких цветов, деревьев и папоротников доледникового периода. Многие из них, кроме здешних мест, нигде больше не встречаются.

...при раскопках в районе Чёрной горы в Рязанской области обнаружена флейта 4000-летней давности? Она изготовлена из трубчатой кости птицы и отличается изяществом. Инструмент имеет четыре игровых отверстия, что говорит о продуманности музыкального лада. Уни-

кальная флейта передана в музей театра и музыки нашего города.

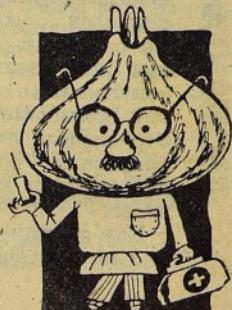
...на Колынском месторождении драгоценных камней, близ Житомира, найден кристалл топаза весом 117 килограммов? Это первый топаз такой величины. Раньше геологи находили топазы весом 50—70 килограммов. Находка монокристалла — редчайший случай. Коллекции ни одного музея мира не имеют подобного ювелирного камня-гиганта.

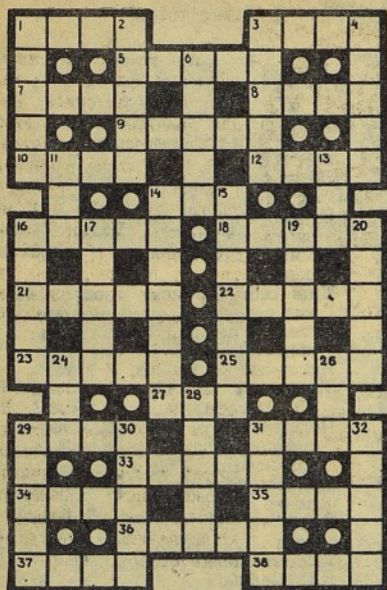

...яичницу можно поджарить и... без масла? Это стало возможным после того, как учёные разработали способ получения жидкого силксанового полимера. Покройте им сковородку, и ваша яичница никогда не подгорит.

...изумительными лечебными свойствами обладают многие растения? Особенно паразитические эти свойства у лука, чеснока, хрена, редьки, красного перца. Один грамм лука, по подсчётам учёных, может убить несколько килограммов бактерий. Один гектар можжевелового леса выделяет за сутки около 30 килограммов летучих лечебных веществ (фитонцидов). Следовательно, ими можно обезвредить от бактерий население большого города.

По горизонтали. 1. Один из важнейших органов растения. 3. Оросительный канал в Средней Азии. 5. Лассо. 7. Тьма. 8. Автор романа «Алые паруса». 9. Мороз. 10. Женское имя. 12. Связанное с развитием увеличение размеров организма. 14. Призыв. 16. Марка чехословацкой автомашины. 18. Энергичное сопротивление. 21. Двигатель. 22. Проверка знаний. 23. Рыболовная сеть. 25. Первый линейный ледокол советского арктического флота. 27. Земельная мера. 29. Рыба. 31. Южноамери-

канское государство. 33. Декоративное садовое растение со звёздообразными цветками. 34. Снаряд для лова рыбы с небольших судов. 35. Стекловидное вещество, плавленного металла. 36. Латинская буква. 37. Мужское имя. 38. Сорт яблок.

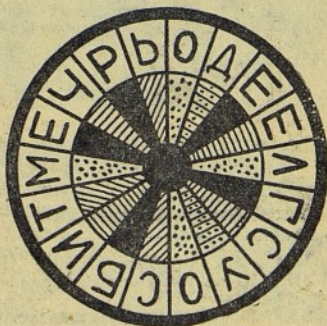
По вертикали. 1. Цитрусовый плод. 2. Породы собак. 3. Аэродромная постройка. 4. Трос, толстая верёвка. 6. Герой известного романа Д. Дефо. 11. Дерево. 13. Число. 14. Плоти́на. 15. Прибор для замера расхода воды в сети водоснабжения. 16. Скопление охлаждённых водяных паров в атмосфере. 17. Советский лётчик-космонавт. 19. Средство переправы на другой берег. 20. Заяц. 24. Хвойное дерево. 26. Горное селение. 28. Небольшое судно. 29. Ткань, идущая на подкладку в тёплой одежде. 30. Рассказ А. П. Чехова. 31. Предмет чайного сервиза. 32. Искушение.

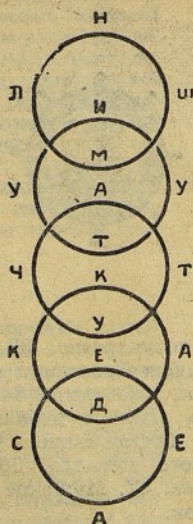
КАЛЕЙДОСКОП

Составила Катя Пакки

Это — криптограмма. Если вы догадаетесь, в чём её секрет, то сможете прочесть пословицу.

ЗАДАЧА С КОЛЬЦАМИ

На рисунке — пять колец. К каждому кольцу «прикреплены» четыре буквы.

Если какие-то из колец повернуть, то буквы, естественно, переместятся.

Попробуйте догадаться, какие кольца и насколько (на 90 или 180 градусов) нужно повернуть, чтобы по вертикалям можно было прочесть пословицу.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Содержание

Летит революция ветер. Стихотворение В. Николаева . . .	1
Будем, Минька, соседями. Глава из повести В. Канивца . .	3
Осень. Стихотворение Н. Егорова . . .	17
Ищи себя, Громов. Продолжение повести Сергея Вольфа	18
Путешествие по стране «Ноябрь». Рассказ Н. Сладкова	29
Испорченный звонок. У Тараса трудный час. Стихотворения Ю. Погорельского . . .	34
Исчезновение герцога Веллингтонского. Рассказ Якова Длуголенского . . .	35
Медведь-мечтатель. Стихотворение В. Сосноры . . .	51
Клуб «МИ». Очерк А. Клёнова . . .	52
Таинственный остров. Очерк В. Беловой . . .	59
Пёстрые заметки . . .	61
Клуб смекалистых ребят . .	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «Всадники революции».

На 2-й и 3-й страницах обложки фоторепортаж Г. Сафонова и Н. Карасёва «Таинственный остров».

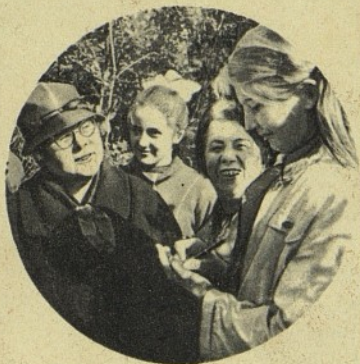
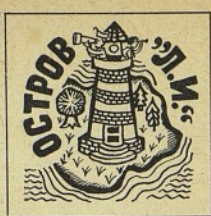
На 4-й странице обложки рисунок художника Ю. Бочкарёва «Кто куда прячется».

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 25/IX 1969 г. Подписано к печати 11/XI 1969 г. 4 печ. л. М-34759 Заказ 1419. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 74 000 экз.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

ТО
УДА
ЕТИТ?

ЦЕНА
10 КОП.

ТО
УДА
ЕЖИТ?